

СИБИРСКІЯ АВАНТЮРЫ

И

ГЕНЕРАЛЪ ГАЙДА

—

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО
РЕВОЛЮЦІОНЕРА)

B 73553

855-64

ВСТУПЛЕНИЕ.

Приступая къ изданію настоящей брошюры, я поставилъ себѣ цѣлью опубликовать часть накопившагося у меня матеріала, имѣющаго непосредственное отношеніе къ сибирскимъ авантюрамъ.

Ни для кого не секретъ, что добровольное вмѣшательство чехословацкаго корпуса въ русскіе споры положило основаніе русскому антибольшевистскому движенію на Волгѣ и въ Сибири, вылившемуся во всесибирскую грандіозную авантюру съ сотнями тысячъ человѣческихъ жертвъ и страшными разрушеніями народнаго достоянія, въ теченіи многихъ лѣтъ добытаго потомъ и кровью русскихъ гражданъ.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что возставшій тогда чехословацкій корпусъ имѣлъ возможность пробиться во Владивостокъ, откуда *volens-nolens* былъ бы несомнѣнно эвакуированъ союзниками дальше.

Никакой случайности не было и въ самомъ фактѣ вмѣшательства чехословаковъ въ наши русскія дѣла. Еще въ началѣ мая 1918 года, въ Москвѣ, на квартирѣ адвоката Виленкина при полковн. ген.-штаба Н. Порадѣловѣ, я встрѣтился однажды съ извѣстнымъ эсъ-эромъ, полковникомъ В. И. Лебедевымъ и понялъ, что подготавливая

возстаніе, эсъ-эры возлагали надежды на чехословаковъ.

Впослѣдствіи герой занятія, или вѣрнѣе сдачи Казани, этотъ же Лебедевъ, стяжавъ себѣ достойную славу среди чешскихъ легіонеровъ, поспѣшилъ укрыться за предѣлами Сибири...

Я понимаю, что не къ лицу мнѣ, прошедшему жестокою школу ошибокъ, осуждать чужіе грѣхи... Пусть это сдѣлаетъ исторія. Въ полномъ сознаніи грядущаго, я хотѣлъ бы, чтобъ братскій намъ чешскій народъ, не закрывая глазъ на прошлое, сознательно протянулъ руку мира и дѣломъ, а не словомъ, помогъ русской демократіи въ дни новыхъ, тяжелыхъ испытаній за общіе идеалы демократіи всего мира.

СИБИРСКІЯ АВАНТЮРЫ И ГЕНЕР. ГАЙДА.

Бѣжавъ изъ Москвы 24 мая 1918 года, я задержался въ Уфѣ, гдѣ поселился по чужому паспорту въ ожиданіи возстановленія пассажирскаго движенія, прерваннаго выступленіемъ чехословацкаго корпуса. Не признавая большевизма въ томъ видѣ, въ какомъ мнѣ пришлось его наблюдать въ Петроградѣ, Москвѣ и на Донѣ, я въ тоже время нигдѣ не видѣлъ серьезной или честной оппозиціи совѣтской власти, а потому рѣшилъ стать въ сторону. Тогда еще было свѣжо воспоминаніе о жалкой попыткѣ возстанія, поднятаго въ Петроградѣ 29 октября 17-го года, Авксентьевымъ, Филиповскимъ, Скаловымъ, Краковецкимъ и др. видными эсэрами. Результаты этого возстанія, какъ и всѣхъ послѣдующихъ, были одни и тѣ же — полная неудача, гдѣ шмели пролетали, а мухи погибали. Не лучше обстояло дѣло и на Донѣ: тамъ антибольшевистское движеніе, перешло въ руки черной сотни, въ лицѣ царскихъ генераловъ и полковниковъ: Маркова, Эрдели, Веденяпина, Лебедева, Щетинина, и др., гдѣ ген. Алексѣевъ былъ лишь подставнымъ лицомъ въ то самое время, какъ всѣмъ

руководили темные дѣльцы, съ равненіемъ на князя Дмитрія Павловича, проживавшаго въ Пятигорскѣ, на средства милліонера Манташева. Да и что можно было ожидать отъ стараго, потрясеннаго событіями генерала, бѣжавшаго на Донъ въ костюмѣ сестры милосердія... (Дѣятельное участіе въ этомъ трагическомъ маскарадѣ принималъ членъ совѣта республики Л. И. Капацинскій.) И такъ я остался въ Уфѣ и ждалъ возстановленія движенія. Наконецъ, 3 іюля, большевики поспѣшно оставили Уфу.

Большевистская армія въ Уфѣ, представлявшая изъ себя серьезную угрозу повстанцамъ, была дезорганизована и предана своимъ начальникомъ штаба ген.-шт. полк. эсэромъ Махинымъ. Предавъ армію, Махинъ перешелъ къ Самарскому правительству. Энтузіазмъ, съ которымъ былъ встрѣченъ тогда уходъ большевиковъ городскимъ и сельскимъ населеніемъ, напомнилъ мнѣ первые дни февральской революціи и заставилъ призадуматься надъ первоначальнымъ рѣшеніемъ... Да и было надъ чѣмъ тогда думать. Тысячи рабочихъ подъ предводительствомъ: Шеломенцова, Нехаева, Субботина и другихъ рабочихъ Сам. — Злат. жел. дор., взялись за оружіе. Крестьяне и солдаты-фронтовики, толпами шли въ городъ, съ просьбой оружія и офицеровъ. Возстали рабочіе Воткинскаго и Ижевскаго заводовъ и образовали свой антибольшевистскій фронтъ. Такой подъемъ, насколько я понималъ настроеніе массъ, объяснялся полной

непріємливістю Брестскаго договору... Вскорѣ пришли вѣсти о паденіи цѣлаго ряда Приволжскихъ и Сибирскихъ городовъ... Я остался въ Уфѣ и приступилъ къ формированію арміи защиты Учредительнаго Собранія и, когда къ вечеру 3 іюля въ Уфу вошли передовые отряды чеховъ, нами были уже сформированы слѣдующія части: пѣхотный полкъ (2-хъ батальоннаго состава), эскадронъ конницы, одна 2-хъ орудійная батарея и дружина жел. — дор. рабочихъ въ 1200 штыковъ, при 10-ти пулеметахъ. Числа 4-го, или 5-го іюля, въ Уфу прибылъ уполномоченный образовавшагося Самарскаго правительства, гражданинъ Боголюбовъ и „своей властной рукой передалъ насъ“ Самарскому правительству. Не предполагая образованія самостоятельной Уфимской республики, мы охотно пошли на встрѣчу самарскому собирателю. Тогда мы полагали, что комитетъ членовъ Учредительнаго Собранія, образовавшій правительство въ Самарѣ, опирается на широкія народныя массы и представляетъ не только моральную, но и громадную творческую силу... Наконецъ, намъ просто хотѣлось вѣрить, въ созывъ Учредительнаго Собранія... Но увы!.. Пока сформированныя нами части сдерживали отряды Блюхера и талантливаго казака-большевика Каширина, пока Самарское правительство торговалось съ Сибирскимъ за право на всероссійскую власть, фронтъ самарской арміи дрогнулъ и быстро взятые города: Казань, Симбирскъ, Сызрань и др., были еще быстрѣе воз-

вращены краснымъ; въ то самое время какъ чехи, столкнувшись съ регулярными частями большевиковъ подъ Бузулукомъ, понесли тяжелыя потери и, почувствовавъ свое одиночество, круто повернули на Востокъ. Не подняло настроенія солдатъ и самоубійство популярнаго начальника дивизіи Швеца, который не могъ пережить открытаго нежеланія нѣкоторыхъ частей выполнять боевые приказы, направленные противъ совѣтскихъ войскъ. Между тѣмъ Самара продолжала посылать въ Уфу своихъ уполномоченныхъ... Я не могу обойти молчаніемъ характерной миссіи чрезвычайнаго уполномоченнаго Преображенскаго, объявившаго походъ на Златоустъ, отложившійся къ Сибирскому тоже антибольшевистскому правительству. На этотъ разъ къ приказу уполномоченнаго мы отнеслись отрицательно и рѣшительно отказались отъ участія въ преторіанской войнѣ... Вскорѣ меня, съ полк. генер. штаба Пучковымъ, пригласили въ поѣздъ Самарскаго правительства, должно быть специально для того, чтобы получить отъ насъ нарядъ на 5 ведеръ спирта. Ибо другихъ вопросовъ мы тогда не получали.

Невольно вспоминается аналогичный случай еще съ однимъ эсэромъ, капитаномъ Кузьминымъ, требовавшимъ для „медицинскихъ нуждъ штаба“ Петроградскаго округа, за нѣсколько дней до большевистскаго переворота, чуть ли не цѣлый погребъ спиртныхъ напитковъ... Въ обоихъ случаяхъ, какъ видите, беззастѣнчиво навязывалась роль

цѣловальника, людьми пробравшимися къ власти, а потому и обнаглѣвшими... Въ общемъ Уфа отъ Самары, если не считать искренняго, талантливаго и честнаго полковника Пучкова, не получила ничего путнаго... Правда не плохъ былъ свадебнаго типа добродушный ген. Тимановъ, подписывавшій, не читая, наши приказы... Зато агенты агитаціонно-вербовочнаго отдѣла, представлявшаго изъ себя квинтъ-эссенцію Самарской государственности, приводили въ полное недоумѣніе.

Эти земгусары новаго типа, старались окрасить армію въ эсэровскій цвѣтъ, упорно насаждая эсэровскія ячейки въ войсковыхъ частяхъ. Въ видѣ поддержки подоспѣлъ институтъ по охранѣ государственнаго порядка со своей контръ-развѣдкой. Начались тренія, ссоры, сплетни. Завелись провокаторы въ лицѣ: А. А. Варзина, казака Бухарина и Казанцева. По городу стали циркулировать самыя разнообразныя слухи. Дѣло дошло до того, что полк. Пучкову едва удалось убѣдить члена національнаго комитета чехо-войскъ Дундачека въ томъ, что я дѣйствительно то лицо, за которое себя выдавалъ... Такимъ образомъ во всѣхъ проявленіяхъ Самарской власти чувствовалось: отсутствіе плана, инициативы и людей дѣла. — Послѣ паденія Самары, мимо Уфы продефилировало свыше ста пятидесяти учрежденій и управленій Самарскаго военнаго вѣдомства, рассчитанныхъ чуть ли не на царскую дореволюціонную армію. Виденъ былъ размахъ энергичнаго капитана Гал-

кина, произведеннаго Самарцами въ генералы, но зато очень слабо обстояло съ самой арміей... И только незначительные отряды Капеля и Фортунатова напоминали о быломъ, правда мимолетномъ величіи Самарской власти.

Незадолго передъ Уфимскимъ государственнымъ совѣщаніемъ у меня обострились отношенія съ ген. Галкинымъ съ одной стороны и членомъ того же правительства, гражд. Роговскимъ съ другой. Будучи сторонникомъ системы добровольческой арміи, я продолжалъ защищать эту идею, полагая, что неудавшаяся мобилизація губерній Симбирской и Самарской чему-нибудь да научила нашихъ генераловъ. Послѣдовавшая затѣмъ мобилизація Уфимской губерніи, показала, насколько я былъ правъ... Во всѣхъ случаяхъ, новобранцы оставались въ частяхъ, лишь до полученія мундирной одежды и вооруженія... Тогда какъ здравый смыслъ продолжалъ диктовать идею добровольчества, какъ единственный честный выходъ изъ создавшагося положенія... Я рассуждалъ: если массы тяготятся совѣтской властью, ряды добровольческой арміи быстро заполнятся и тогда нужно дѣйствовать твердо и рѣшительно, въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ отказаться отъ формированій ибо, въ концѣ концовъ, всякія формированія, помимо воли народа, да еще въ условіяхъ гражданской войны, не только бесполезны, но даже преступны. Возраженія, о несознательности и инертности русскихъ народныхъ массъ, не смущали меня: я вѣрилъ въ

русскій народъ. Однако, Самарское правительство, въ лицѣ ген. Галкина, стояло на избитомъ пути формированій по способамъ „добраго“, стараго времени, съ легкимъ сердцемъ объявляя систему террора. Я потерялъ приказы Самарскаго министра Галкина о безпощадномъ расстрѣлѣ дезертировъ. Блестящей послѣдовательницей такой системы, было Колчаковское правительство... Я не дерзаю подводить итоги этихъ формированій. Я позволяю себѣ освѣтить, лишь небольшіе эпизоды изъ бездоннаго моря кровавыхъ ужасовъ, залившихъ всю территорію Сибири, брошенной на растерзаніе воплощенію дѣтища міровой реакціи правительству адмирала Колчака... Если ставленникъ директоріи, генералъ Люповъ, захлебываясь отъ удовольствія рассказывалъ, на собраніи командировъ частей 22 октября 18 г., о расстрѣлѣ 900 новобранцевъ, расстрѣлянныхъ въ день сдачи Самары краснымъ, за отказъ слѣдовать съ отступающей Самарской арміей, если тогда же генер. штаба полковн. Виноградовъ, на ст. Чишма Сам. Злат. жел. дор. расстрѣлялъ 121-го пѣхн. красноармейцевъ, слѣдовавшихъ на работы въ Тоцкій лагерь и подвернувшихся подъ вѣчно пьяную руку этого полковника, то что такое Люповъ и Виноградовъ, по сравненію съ героями „возрожденія“ Омскаго правительства!...

Я никогда не забуду напыщеннаго приказа, командовавшаго войсками западной арміи ген. Хан-

жина, о предстоявшемъ походѣ на Москву... Опьяненному случайнымъ успѣхомъ на фронтѣ, за которымъ скрывался ловкій маневръ краснаго командованія, генералу въ Челябинскѣ уже чудился пасхальный перезвонъ Бѣлокаменной. Понятно, что такого генерала мало трогали похоронные вопли разстрѣляннаго и спаленнаго по его приказу Кустанайскаго уѣзда... „Война такъ война...“ „И чего тамъ особеннаго? Рубятъ лѣсъ, значитъ летятъ щепки!“ „Столыпинъ разстрѣлялъ 20000, за то спасъ Россію отъ анархіи!..“ Такъ разсуждали штабные Ханжина... „Разстрѣлятъ 13000, конечно, легче чѣмъ 20000, но за то труднѣй чѣмъ запороть 4000 челов.“. „Спалить деревень 15 — пара пустяковъ“. „Гораздо труднѣе справиться съ тремя заданіями... Но и съ такой „работой“ справились...“ /

„Развѣсивъ на воротахъ Кустаная нѣсколько сотъ человѣкъ, пострѣлявъ немного, мы перекинулись въ деревню“, повѣствовалъ драгунскаго эскадрона, корпуса Капеля, штабъ-ротмистръ Фроловъ... „Деревни: Жаровка и Каргалинскъ были раздѣланы подъ орѣхъ, гдѣ за сочувствіе большевизму пришлось разстрѣлять всѣхъ мужиковъ отъ 18 до 55 лѣтн. возраста, послѣ чего пустить „пѣтуха“. „Убѣдившись, что отъ Каргалинска осталось пепелище, мы пошли въ церковь на двѣнадцать евангелій... Былъ Страстной четвергъ...“

На второй день Пасхи, эскадронъ ротмистра Касимова вступилъ въ богатое село Боровое. На

улицахъ чувствовалось праздничное настроеніе. Мужики вывѣсили бѣлые флаги и вышли съ хлѣбомъ и солью. Запоровъ нѣсколькихъ бабъ, разстрѣлявъ по доносу два-три десятка мужиковъ, Касимовъ собирался покинуть Боровое, но его „излишняя мягкость“ была исправлена адъютантами начальника отряда поручиками: Умовымъ и Зыбинымъ. По ихъ приказу была открыта по селу ружейная стрѣльба и часть села предана огню... Эти два поручика прославились исключительной жестокостію и ихъ имена не скоро забудетъ Кустанайскій уѣздъ. Немногимъ отсталъ отъ нихъ подпрапорщикъ того же драгунскаго эскадрона, студентъ Николаевъ. Онъ прославился, какъ специалистъ по части порока. Запарывая мужчинъ шомполами по традиціонно помѣщичьимъ мѣстамъ, онъ предпочиталъ бить женщинъ нагайками по животу... Я бы, конечно, не повѣрилъ ротмистру Фролову, еслибъ не имѣлъ подтвержденій изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. „Жаль, что всю страстную и святую недѣлю проболтались въ деревнѣ“, продолжалъ Фроловъ... „Зато хорошо заработали и не плохо проучили населеніе...“ — „Пусть не сочувствуютъ большевикамъ...“

Такъ рассуждалъ не одинъ Фроловъ. Такъ рассуждали всѣ чудо-богатыри изъ отряда знамени-таго, обвѣяннаго побѣдами 25-лѣтняго генерала Сахарова, усмирившаго мирное населеніе Кустанайскаго уѣзда. Повторяю мирное населеніе, ибо большевики, поднявшіе возстаніе въ гор. Куста-

наѣ, истребивъ учебную команду 5 кадрового полка, присланную для возстановленія порядка, уклонились отъ боя съ трехтысячнымъ отрядомъ Сахарова и заблаговременно ушли въ Тургайскія степи. Клиномъ свѣтъ сошелся на Кустанайскомъ уѣздѣ... А куда дѣвались Акбассарскій, Кокчетавскій, Петропавловскій, Акмолинскій, вообще уѣзды и даже губерніи... Тамъ были свои богатыри, но тѣ же объекты и тѣ же приемы... Передо мною копія документа, подписаннаго депутатомъ во Всероссійское Учредительное Собраніе отъ Енисейской губерніи, Евгеніемъ Колоссовымъ отъ 11-го мая. Выдержку изъ этихъ документовъ я приведу въ концѣ брошюры.

Кто не знаетъ кровавой карты возрожденной Сибири, тотъ не знаетъ кому она обязана своимъ возрожденіемъ на мѣстахъ, тотъ никогда не слышалъ знаменитыхъ именъ: полковниковъ Круглевскаго, Алейникова, Катанаева, Красильникова, Бабейчука и многихъ другихъ, имя которымъ легіонъ; тотъ, конечно, не видѣлъ жетона съ надписью: „Смерть измѣнникамъ дома Романовыхъ...“ По сравненію съ этими ублюдками рода человѣческаго, бенгальскими тиграми изъ Омскаго звѣринца, герои Дальняго Востока полковники: Ивецкій, Враштель, Рубецъ, Сыромятниковъ, ротмистръ Бабичъ, Крашенинниковъ, капитанъ Ключаревъ, поручикъ Сурушкевичъ, юнкеръ Курилка, лейтенантъ Потуловъ и др. — чахлые шакалы. Другое дѣло самураи Семеновъ и Калмыковъ, или гене-

ралъ Розановъ, эти звѣри тоже тигровой породы. Несомнѣнно у каждаго изъ перечисленныхъ „спасителей“ Россіи было свое Маккавѣево (станція, на которой производились пытки и казни), свой списокъ „выведенныхъ въ расходъ“, или „пропущенныхъ черезъ развѣдку“ и хотя чаша народнаго терпѣнія давно уже переполнилась, видно мало еще пролито русской крови на алтарь международнаго капитала, а потому насъ не оставляли союзники. Для того, чтобы читатель имѣлъ представление о тѣхъ тонкостяхъ, до которыхъ была доведена пытка, усиленно практикуемая всѣми развѣдками, привожу примѣръ изъ добровольнаго признанія офицеровъ атамана Семенова, изъ особаго Манджурскаго отряда.

По показаніямъ прапорщика Николая Жукова, сына ветеринарнаго врача, и Димитрія Осиповича, капитана Закржевскаго, въ развѣдкѣ атамана Семенова практиковался слѣдующій чудовищный способъ „воздѣйствія“. Допрашиваемому, привязанному къ столу, на голый животъ пускали живую крысу, накрывали крысу чугуннымъ котломъ, по которому били палкой до тѣхъ поръ, пока обезумѣвшее животное не забиралось во внутренности...

Столкновеніе съ Роговскимъ, о которомъ я упомянулъ выше, имѣло для меня роковыя послѣдствія, а потому я вынужденъ остановиться на немъ подробнѣе. Дѣло въ томъ, что по распоряженію Уфимскаго губернскаго уполномоченнаго В. Гиневскаго были арестованы, въ качествѣ заложницъ,

жены комиссаровъ Цюрюпа, Брюханова, Михина, Юрьева и двѣ сестры Эльценъ.

Такъ какъ мѣста заключенія были подчинены мнѣ, я приказалъ предоставить имъ возможные удобства и свободу, разрѣшая, въ сопровожденіи надзирательницъ, ходить домой, для ухода за дѣтьми. Брюхановой, заболѣвшей возвратнымъ тифомъ, я позволилъ лѣчиться на дому, съ приставленіемъ стражи. Подобное отношеніе къ женамъ комиссаровъ, вызвало среди уфимской буржуазіи бурю негодованій, породило массу слуховъ, въ результатъ которыхъ я едва не былъ арестованъ, за сочувствіе большевизму. Между тѣмъ какъ я, не признавая института заложниковъ, просто не считалъ себя въ состояніи войны съ женщинами. Слухи, пускаемые родственниками уфимскихъ заложниковъ, увиденныхъ большевиками, очень охотно воспринимались моими врагами изъ Самарскаго лагеря, въ числѣ которыхъ видное мѣсто заняли: Боголюбовъ и Пироговъ. Я и до сихъ поръ не знаю въ чемъ они меня обвиняли и, конечно, предпочелъ бы видѣть эти обвиненія въ печати. Было ясно, что меня, какъ не отвѣчающаго требованіямъ Самарскаго ортодоксально эсэровскаго правительства, нужно было чѣмъ-нибудь скомпрометировать и устранить. Я рѣшилъ уйти, но боялся, что мой уходъ будетъ истолкованъ добровольцами, какъ бѣгство. Впрочемъ, скоро участь моя рѣшилась помимо моей воли. На закрытомъ засѣданіи командировъ частей Уфимскаго корпуса,

22 октября 18 года, я произнесъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія: „Намъ, русскимъ, нужно надѣяться, только на самихъ себя, тѣмъ болѣе, что чехи, занявшіе магистраль, уклоняются отъ боя и отступаютъ сидя въ вагонахъ... Мобилизація провалилась. Надежды на добровольчество слабыя. Высшее командованіе, сидящее въ Омскѣ, не вѣдаетъ, что творитъ. Отступление за Уралъ, а возможно и далѣе, обезпечено...“ Я сожалѣю объ утерѣ копіи приказа по Уфимскому корпусу за № 84 1918 года, которымъ за эту рѣчь я предавался суду. Если бы Люповъ не принадлежалъ къ числу трафаретныхъ генераловъ, если бы онъ обладалъ хоть проблескомъ гражданскаго мужества и ума, не погибли бы тысячи жизней въ завѣдомо невѣрномъ и даже позорномъ дѣлѣ... Но что для такихъ генераловъ тысячи труповъ, когда за послѣднюю войну они привыкли считать сотнями тысячъ. Стоходъ, Затурцы, Владимиръ-Волынской, развѣ научили чему-нибудь этихъ факельщиковъ военнаго дѣла?

4-го ноября я былъ арестованъ ген. Люповымъ, подъ предлогомъ превышенія власти и переданъ подъ охрану чешскихъ войскъ, въ распоряженіе маіора Ребенды. Люповъ не надѣялся на русскія части, особенно послѣ адреса, поднесеннаго мнѣ командирами всѣхъ частей уфимскаго корпуса и помѣщеннаго въ № 30-омъ газеты „Армія и Народъ.“

Имѣвъ возможность не только къ побѣгу, но

и къ аресту самага Люпова, я подчинился аресту, т. к. не былъ увѣренъ въ нейтральности чешскаго командованія.

*

Вскорѣ въ Омскѣ свершилось гнусное дѣло. Кучка честолюбцевъ во главѣ съ Колчакомъ, Вологодскимъ, Лебедевымъ, Волковымъ и др. при пассивномъ содѣйствіи высшихъ военачальниковъ, въ томъ числѣ генерала Гайды и одного изъ членовъ Директоріи, генерала Болдырева, свергла Директорію и захватила власть.

Напрасно самарцы вzywали къ помощи братьевъ чеховъ... Братья оставались безучастными.

Тогда же маіоръ Ребенда ухудшилъ мой режимъ, проявивъ не совсѣмъ понятную по отношенію меня инициативу, — зачѣмъ-то приставивъ къ моей кровати часового и почему-то задержавъ въ печати мою статью отъ 10-го ноября, въ которой я еще разъ предупреждалъ Директорію о шаткости власти, построенной лишь на моральномъ авторитетѣ, развивая свою мысль о національной гвардіи, разработанную мной еще 2-го октября въ № 24 газеты „Армія и Народъ“. —

Предвидя возможность переворота, я утверждалъ, что власть, желающая повелѣвать, а не уговаривать, не должна удовлетворяться платоническимъ выраженіемъ довѣрія массъ, а обязана имѣть реальную силу, могущую заставлять подчиняться волѣ власти. И такой реальной силой, безъ оскорбленія національнаго достоинства, могла быть на-

ціональная гвардія, сформированная изъ добровольческикъ частей, сведенныхъ для начала хотя бы въ одинъ корпусъ съ цѣлью: охраны власти и давленія на массы для осуществленія воли ея избранниковъ.

Вѣсти объ омскомъ переворотѣ напугали меня. Зная царскихъ генераловъ, я понималъ, что переворотъ имѣетъ реакціонный характеръ и, что возникаетъ угроза не только завоеваніямъ революціи, но и всѣмъ революціоннымъ дѣятелямъ. Вспомнились времена: Ренненкамфовъ, Каульбарсовъ, Закомельскихъ. На этотъ разъ, да еще въ положеніи арестованнаго, пришлось думать только о себѣ...

Пребывая на гауптвахтѣ, я молча сталъ ждать рѣшенія своей участи. И дождался... 16 декабря въ Уфу прибылъ гвардіи полковникъ Круглевскій, онъ же и. д. уфимскаго губернатора. По его приказу, при дѣятельномъ участіи уфимскихъ развѣдчиковъ, поручикъ Евдокимовъ и студентъ Шалашовъ, были произведены массовые аресты. Я находился тогда въ вѣдѣніи коменданта города, полк. Ф. А. Кондратьева, т. к. маіоръ Ребенда переѣхалъ въ Омскъ. Всѣхъ арестованныхъ, среди которыхъ были видные сторонники Учредительнаго Собранія, свели въ гостиницу „Волга“, гдѣ, въ ожиданіи распоряженія, продержали до 2-хъ час. ночи.

Наконецъ, послѣ бала въ гарнизонномъ собраніи, прибылъ самъ Круглевскій и отдалъ приказъ

объ отводѣ насъ въ одиночки губернской тюрьмы. Привезенный съ гауптвахты пор. Симоновымъ въ ту же ночь, я тоже попалъ въ эту гостиницу, а затѣмъ и въ тюрьму. 23 декабря я былъ вызванъ въ тюремную контору вмѣстѣ съ членомъ Учредительнаго Собранія Сургучевымъ, правымъ эсэр. Яшинымъ, поруч. Коваленко и прапор. Булавинымъ. Изъ конторы меня пригласили въ кабинетъ начальника тюрьмы, гдѣ оказались: тюремный инспекторъ и прокуроръ Уфимскаго Окр. Суда Морочко. Съ Морочко я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и потому, должно быть, онъ просилъ меня быть сдержаннымъ на предстоящемъ допросѣ. Около полуночи насъ привели въ домъ № 16 на Центральной улицѣ, гдѣ должна была рѣшиться наша участь. Первымъ допрашивали Сургучева. Такъ какъ допросъ производился въ смежной комнатѣ, при гробовой тишинѣ, я слышалъ ясно каждое слово. „Вы членъ Учредительнаго Собранія Сургучевъ? — „Да, членъ Учредительнаго Собранія.“ — Послѣдовалъ отвѣтъ. „Отвести въ сторону учредилловца и ввести слѣдующаго...

Слѣдующимъ былъ я. Въ небольшой комнатѣ, гдѣ стоялъ столъ, покрытый сѣрымъ казеннымъ сукномъ, важно засѣдали три прапорщика, изъ которыхъ одинъ былъ замѣтно пьянъ. Предсѣдательствовалъ прапорщикъ 41 Сибирскаго полка Ивановъ, съ крестомъ 2-ой степени, по всѣмъ признакамъ бывшій фельдфебель. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть. На мой вопросъ, какъ называется

данное учрежденіе, „предсѣдатель“ пояснилъ — военный контроль и полевой судъ... По окончаніи формальной стороны допроса, „предсѣдатель“ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не знаю ли я капельмейстера Иванова, служившаго въ одной изъ войсковыхъ частей Туркестана. Я отвѣтилъ утвердительно и назвалъ его имя и отчество. Узнаете, если я вамъ его покажу, продолжалъ „предсѣдатель“. Въ это самое время изъ — подъ стола вылѣзъ человѣкъ, оказавшійся самимъ Петромъ Викторовичемъ Ивановымъ. И со словами: „Старая хлѣбъ-соль не забывается“, бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями... „Идемъ отсюда“, сказалъ мнѣ взволнованный Петръ Викторовичъ. Голосъ Иванова разбудилъ дремавшаго пьянаго „члена суда“, который обрушился на меня съ крикомъ „обыскать“, но былъ остановленъ „предсѣдателемъ“.

Мы поспѣшно вышли съ Петромъ Викторовичемъ изъ этого отвратительнаго застѣнка, гдѣ правосудіе инсценировалось въ духѣ солдатскихъ спектаклей, гдѣ у еще живого, но приговореннаго къ смерти человѣка, дѣловито ощупывали шубу, какъ щупаютъ на бойняхъ шкуру рогатаго скота.

Въ ту же ночь Сургучевъ и Яшинъ были растрѣляны, при чемъ казнью руководилъ самъ полковникъ Круглевскій. Изъ за обладанія енотовой шубой Сургучева произошла свалка между контръ-развѣдчиками...

Изъ „суда“ мы съ Петромъ Викторовичемъ по-

шли въ ту же гостиницу „Волга“, гдѣ я переночевалъ въ его номерѣ. Отъ Петра Викторовича я узналъ, что еще днемъ 23 дек., за обѣдомъ онъ слышалъ о предстоявшемъ „кинематографѣ“. Такъ назывались казни по традиціямъ офицеровъ этого „доблестнаго“ полка... При чемъ назывались фамиліи, въ томъ числѣ и моя. Пользуясь дружбой съ Круглевскимъ, Петръ Викторовичъ вмѣшался въ мою судьбу и такимъ образомъ спасъ мнѣ жизнь, подъ которую подкапывался корнетъ Яхонтовъ, спеціально командированный для этой цѣли генераломъ Люповымъ...

Впрочемъ въ послѣдствіи выяснилось, что за меня кромѣ Иванова просили многіе граждане Уфы въ томъ числѣ и Морочко...

24 декабря я явился въ комендантское управленіе, гдѣ былъ задержанъ по настоянію подполковника Бабейчуха, очевидно недовольнаго такимъ исходомъ дѣла. Наконецъ 28-го декабря я получилъ удостовѣреніе о прекращеніи дѣла за отсутствіемъ состава преступленія и предписаніе, направлявшее меня въ Челябинскъ, къ дежурному генералу Западной арміи.

Подъ грохотъ большевистскихъ пушекъ я оставилъ Уфу вмѣстѣ съ комендантомъ города подполковникомъ Ф. А. Кондратьевимъ и только 15-го января, съ новымъ предписаніемъ прибылъ въ штабъ Курганскаго военнаго округа, которымъ 17-го января былъ снова заключенъ подъ стражу...

Запросивъ телеграммой дегензапа, о причинахъ новаго ареста, я получилъ довольно лаконичный отвѣтъ: „Ваше дѣло производствомъ прекращено дегензапъ полковникъ Гафнеръ № 2270“. И тѣмъ не менѣе, меня „держали и не пущали“ ...

Телеграммы, адресованныя по всѣмъ направле-віямъ, до Колчака и Вологодскаго включительно, съ требованіемъ суда, или освобожденія, ухудшали режимъ и портили отношеніе съ администраціей комендантскаго управленія, во главѣ котораго стоялъ вполнѣ законченный представитель реакціонной Россіи, полковникъ Лазаревъ.

Наконецъ, 16-го апрѣля я былъ вызванъ на допросъ къ слѣдователю.

На этотъ разъ мнѣ предъявился цѣлый рядъ обвиненій, составленныхъ опытной прокурорской рукой полковника Емельянова. Главнымъ пунктомъ обвиненія была все та же рѣчь, произнесенная 22-го октября. Попутно выяснилось, что моей участію интересовался самъ Наштаверхъ, генералъ Лебедевъ. Съ Лебедевымъ я встрѣчался на Донѣ въ концѣ 17-го года, гдѣ онъ оглавлялъ монархическую группу. Благодаря давленію этой группы на генерала Алексѣева, я былъ отстраненъ отъ формированія арміи защиты Учредительнаго Собранія и претерпѣлъ не мало непріятностей. Впослѣдствіи, въ Уфѣ при встрѣчѣ съ ген. Галкинымъ, въ дни государственнаго совѣщанія, этотъ Лебедевъ высказалъ ему свое сожалѣніе о томъ, что не успѣлъ повѣсить меня на Донѣ. Въ свою оче-

редь ген. Галкинъ весьма охотно передалъ мнѣ содержаніе этого разговора, какъ новое доказательство моего несоотвѣтствія... Ждать было нечего... Я рѣшилъ использовать давно представлявшуюся возможность бѣжать... Бѣжавъ 24-го мая, 25-го я уже былъ задержанъ въ Педиринской волости, Курганскаго уѣзда, въ избѣ крестьянина Расторгуева, куда случайно заѣхалъ какой-то квартирмейстеръ, поручикъ Бѣлорѣцкаго полка.

26-го мая я былъ доставленъ коменданту города Кургана полковнику Станкевичу, со стороны котораго подвергся жестокому издѣвательству. Въ присутствіи генерала Язвина и торжествовавшего полковника Станкевича, я былъ совершенно раздѣтъ и обысканъ старательнымъ исполнителемъ грязныхъ, а иногда и кровавыхъ порученій, хорунжимъ Тимченко...

На другой день, подъ усиленнымъ конвоемъ меня перевезли на Челябинскую гауптвахту и заключили въ одиночную камеру, съ приставленіемъ часового.

Я уже считалъ себя погибшимъ, ибо, по смыслу омскихъ приказовъ, моего побѣга было вполне достаточно для того, чтобъ быть разстрѣляннымъ.

Однако 18-го іюля я бѣжалъ вторично, на этотъ разъ вмѣстѣ съ караульнымъ начальникомъ прапорщикомъ Крыловымъ и Владимиромъ Каешемъ.

Я не буду останавливаться на описаніи довольно сложнаго побѣга изъ челябинской гауптвахты и ограничусь лишь указаніемъ маршрута..

Путь отъ Челябинска до Шадринска мы съ Кае-

шемъ совершили пѣшкомъ и на лошадяхъ — отъ Шадринска до Тюмени на лошадяхъ, оттуда до Томска на пароходѣ. — Въ Томскѣ я разстался съ Каешемъ. Крылова я потерялъ изъ виду еще въ день побѣга. Онъ, кажется, бѣжалъ въ Совѣтскую Россію. Изъ Томска, съ большими препятствіями, я добрался до Срѣтенска, откуда пароходомъ до Хабаровска. Съ Хабаровска снова по желѣзной дорогѣ черезъ Никольскъ во Владивостокъ. Въ Никольскѣ проживала моя семья. Наконецъ 27-го іюля я поселился въ дачной мѣстности въ 26-ти верстахъ отъ Владивостока и сталъ навѣщать городъ, въ цѣляхъ развѣдки эмиграціи за границу.

Вскорѣ мнѣ удалось добыть полуофициальный документъ отъ служащаго п....го военно-информационнаго отдѣла, принявшемъ во мнѣ участіе. Съ этимъ документомъ я собирался пробраться черезъ Харбинъ въ Пекинъ и попробовать свои силы въ антиатамановскомъ направленіи. Познакомившись тогда же съ французскимъ полковникомъ Ренондо, интересовавшимся положеніемъ на фронтѣ, я выразилъ увѣренность въ скоромъ паденіи правительства Колчака, утверждая, что не позже января большевики будутъ въ Иркутскѣ и что, если не образуется японо-большевистскаго фронта, большевики немедленно распространятъ свое вліяніе на Приморскую Область. Полковникъ предложилъ мнѣ денежную помощь, отъ которой я впрочемъ отказался, но зато не нашелъ возможнымъ, помочъ мнѣ выѣхать за границу.

Я все же рѣшилъ ѣхать въ Пекинъ и только для очистки совѣсти зашелъ къ одному изъ бывшихъ представителей Временнаго правительства гражданину N, къ которому обратился съ вопросомъ относительно возможности работы въ антиколчаковскомъ направленіи.

Гражданинъ N направилъ меня къ инженеру Павловскому, черезъ котораго я вошелъ въ поѣздъ генерала Гайды.

По словамъ инженера Павловскаго, информировавшаго меня, весь фронтъ былъ покрытъ тайными организаціями во главѣ съ популярными среди офицеровъ, генералами Капелемъ и Пепеляевымъ, ожидавшими лишь приказа изъ Владивостока объ арестѣ Колчака. Сильные партизанскіе отряды защиты Учредительнаго Собранія сосредоточены вблизи Владивостока и вполне готовы къ выступленію, повѣствовалъ В. И. Моравскій, одинъ изъ главныхъ инициаторовъ антиколчаковскаго возстанія.

Разочарованные въ Колчакъ и атаманахъ союзники, сочувствуя перевороту, обѣщаютъ благожелательный нейтралитетъ и даже японцы даютъ письменную гарантію о невмѣшательствѣ, пояснялъ докторъ Гейманъ, товарищъ по работѣ В. И. Моравскаго...

Да и было въ чемъ разочаровываться, когда не признававшіе никого, въ томъ числѣ и Колчака, атаманы: Семеновъ и Калмыковъ, захватившіе часть Сибирской и Амурской магистралей, поль-

зуюсь самой широкой поддержкой японцевъ, устраивали свои темныя дѣла за счетъ запоротаго, ограбленнаго и спаленнаго ими населенія.

Недостатокъ палачей русскаго происхожденія у Семенова пополнялся монголами и бурятами, тогда какъ у Калмыкова плѣнными турками. Довольно сложную роль игралъ въ Харбинѣ еще одинъ атаманъ ген. Хорватъ, которому Дальневосточные спекулянты еще при жизни поставили памятникъ. Этотъ генералъ воевалъ главнымъ образомъ на шанхайской биржѣ, играя на пониженіе русскаго рубля. Истинныя политическія убѣжденія атамановъ опредѣлялись портретами Николая II трогательно украшавшими ихъ салонъ-вагоны. Изъ источниковъ внушающихъ довѣріе я имѣлъ свѣдѣнія о тѣсной связи Семенова съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ, пріютившимся одно время около извѣстнаго капиталиста Путилова въ Шанхаѣ...

Но вернемся къ военной организаціи генерала Гайды.

По словамъ И. А. Якушева, предсѣдателя Сибирской областной думы, самъ комендантъ крѣпости Владивостока, Полк. Бутенко, организовавшій около себя гарнизонъ крѣпости, свой человѣкъ...

Могучія общественныя организаціи Сибзенгара и кооперативовъ оказываютъ неограниченную матеріальную поддержку инициаторамъ возстанія... По словамъ всѣхъ перечисленныхъ инициаторовъ, остановка была лишь за неизбѣжнымъ общимъ от-

ступленіемъ Сибирскихъ армій, въ моментъ котораго мы должны были ударить по Колчаку съ тыла и, взявши движеніе въ свои руки, немедленно приступить къ переговорамъ съ Совѣтской властью, о прекращеніи гражданской войны, на началахъ взаимныхъ уступокъ не капитулятивнаго характера...

Я только не понималъ роли генерала Гайды, безнадежно скомпрометированнаго въ глазахъ русской демократіи, пожалуй даже всего русскаго народа, но мнѣ разъяснили, что общая группировка за спиной этого генерала, извѣстнаго интервентамъ своей антибольшевистской дѣятельностью, была такъ сказать дипломатическимъ громоотводомъ отъ подозрѣній въ большевизмѣ со стороны союзниковъ. — Чувствовалась боязнь вмѣшательства, особенно со стороны японцевъ., втянувшихъ на территорію русскихъ областей Дальняго востока 120.000 штыковъ, подъ предлогомъ охраны интересовъ своихъ подданныхъ...

Имѣя свой телеграфный проводъ, соединявшій многочисленные японскіе гарнизоны, расположенные вдоль Сибирской и Амурской магистралей, японскія войска окружили себя фортификаціонными сооруженіями, пользуясь проволокой и земляными мѣшками — даже на улицахъ городовъ...

Я вступилъ въ организацію генерала Гайды и вскорѣ былъ представленъ самому генералу.

До этого я никогда его не видѣлъ, хотя немало о немъ слышалъ.

Въ моемъ воображеніи онъ рисовался ловкимъ, смѣлымъ, спокойнымъ, съ сильной волей, быстро схватывающимъ чужую мысль, наконецъ, усвоившимъ, хотя бы съ внѣшней стороны, демократическія завоеванія времени.

На этотъ разъ мнѣ пришлось убѣдиться въ полной несновательности моего воображенія...

Облеченный въ форму русскаго генерала, въ золотыхъ погонахъ и красныхъ лампасахъ, съ иконостасомъ орденовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были за участіе въ гражданской войнѣ, генераль принялъ меня въ великолѣпномъ салонѣ-вагонѣ, со вкусомъ обставленномъ старинными вещами и шкурами, вывезенными изъ Сибири; въ углу салона стоялъ прекрасный рояль...

Послѣ незначительнаго разговора, я понялъ, что за всѣмъ нужно обращаться къ капитану Калашникову и ушелъ въ свое купѣ съ тяжелымъ чувствомъ.

Я понималъ невѣрность предпріятія, оглавленнаго такимъ генераломъ. Бесѣда моя съ поручикомъ Молотковскимъ въ послѣдствіи укрѣпила мои опасенія. Этотъ поручикъ далъ понять мнѣ, что группа эсеровъ, во главѣ съ Калашниковымъ руководитъ генераломъ, который слабо разбирается въ русскихъ дѣлахъ. Получалась весьма запутанная обстановка. По однимъ свѣдѣніямъ группа эсеровъ Калашникова, по приказу генерала Гайда, въ свое время арестовала членовъ учредительнаго Собранія, съ единственной цѣлью, сохранить имъ

жизнь. Впослѣдствіи членъ этой же группы Кашканановъ почему то редактировалъ какую то газету, поддерживавшую диктатуру Колчака. Въ моментъ начала общихъ неудачъ на фронтѣ, та же группа толкнула генерала Гайду на разрывъ съ Колчакомъ, которому былъ предъявленъ рядъ требований политическаго характера... По другимъ свѣдѣніямъ у генерала Гайды вмѣстѣ съ его политическими руководителями были всѣ возможности предотвратить переворотъ въ Омскѣ. По общему впечатлѣнію отъ разговоровъ съ Молотковскимъ, я пришелъ къ убѣжденію, что генералъ Гайда могъ не допустить омскаго переворота. И тѣмъ не менѣе я продолжалъ оставаться въ этой странной, чтобъ не сказать болѣе организаціи, ибо сказочная неприкосновенность поѣзда генерала Гайды являлась для меня самымъ надежнымъ убѣжищемъ отъ палачей „возрожденія“...

Скоро отъ капитана Калашникова я получилъ заданіе — объединить офицеровъ Приморской области. Отъ того же Калашникова впослѣдствіи я узналъ, что атаманы Семеновъ и Калмыковъ, вмѣсто того, чтобы исполнить приказъ Колчака, объ арестѣ непокорнаго генерала, предпочли захватить къ нему съ визитомъ. Примѣру атамановъ послѣдовали другіе военные, навѣщавшіе генерала въ надеждѣ на будущія назначенія. Къ числу такихъ принадлежали ген. Пановъ, полк. Враштель, первая ласточка всякихъ отступленій — полк. Степановъ и многіе другіе.

5-го сентября вышла въ свѣтъ грамота Якушева, послужившая первоначальной канвой моей работы.

Грамота эта была торжественно вручена представителямъ союзныхъ миссій.

Числа съ 15 сент. весь Владивостокъ, а вскорѣ и вся Приморская область заговорили о ней, открыто выражая свое сочувствіе. Какъ бы въ отвѣтъ на нее, ген. Розановъ, 21 сент. окружилъ нашъ поѣздъ войсками почти въ сто разъ превышавшими составъ нашего эшелона.

Никто не сомнѣвался, что ген. Розановъ легко могъ обратить насъ въ прахъ; однако вмѣшательство трехъ милиціонеровъ международной милиціи, заявившихъ Розанову о томъ, что они не допустятъ кровопролитія, сразу измѣнило картину. Войска Розанова были распущены, а самъ Розановъ зашелъ въ вагонъ Гайды, гдѣ оба генерала, обмѣнялись любезностями и дали другъ другу слово, не начинать военныхъ дѣйствій безъ предупрежденія...

Отводъ войскъ Розанова, всѣми чинами нашего эшелона былъ истолкованъ, какъ позорное отступленіе, а потому и безъ того ничего не подготовлявшее населеніе эшелона, почило на лаврахъ.

Чѣмъ больше я знакомился съ составомъ такъ называемой организаціи Гайды, тѣмъ больше приходилъ въ недоумѣніе. Оказывалось, что ни вагонъ, то своя республика, а то и монархія.— Никакой спайки и даже антагонизмъ.

Личныя удобства и расчеты были возведены въ какой то особый специфическій культъ.

Приближенные къ генералу: полковникъ Гусарекъ и капитанъ Махъ занимали тоже салонъ вагоны. Лично генерала кромѣ салонъ-вагона обслуживали еще четыре: вагонъ гаражъ, два конскихъ съ его верховыми конями и вагонъ художественныхъ портретовъ. Этотъ вагонъ, ключи отъ котораго хранились у самого капитана Маха, вмѣщалъ въ себѣ громадный портретъ генерала Гайды, послужившій въ моихъ глазахъ блестящей иллюстраціей содержательности самого оригинала. Изображенный въ натуральную величину, въ русской генеральской формѣ, съ большимъ орденомъ за участіе въ гражданской войнѣ, генералъ лихо сидѣлъ на ворономъ конѣ, подаркѣ какой-то коннозаводчицы. Сбоку красовалось золотое оружіе, напоминавшее о позорномъ дарѣ, принятомъ генераломъ изъ рукъ бывшаго жандарма, далеко недвусмысленно делегированнаго, въ свое время къ генералу томской буржуазіей... Въ общемъ весь портретъ представлялъ изъ себя какъ бы символическое изображеніе сплошного подарка — кроваваго подарка русской революціи отъ иноземной реакціи... Я понималъ героя русско-японской войны, Мейендорфа, возившаго за собой вагонъ молочныхъ коровъ, но зачѣмъ вагонъ портретовъ?.. Въ общемъ составъ, бывшаго командующаго войсками Сибирской арміи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ прибылъ во Владивостокъ,

немногимъ отличался отъ обычнаго воинскаго эшелона, двигавшагося подъ давленіемъ красныхъ на Востокъ...

Въ немъ также на ряду съ идейными врагами большевизма, бѣжали безпринципные весельчаки, а то и просто пьяницы... Гдѣ наряду съ добродѣтельными матронами расположились дамы полусвѣта: (Кабанова и другія...) Тамъ же нашелъ себѣ пріютъ спекулянтъ Бекетовъ, съ вѣдома генерала Гайды вывезшій изъ Екатеринбурга нѣскольکو пудовъ платины темнаго происхожденія, и переправившій ее не то въ Китай, не то въ Японію, гдѣ и самъ укрылся отъ мобилизаціи... Недурной конвой генерала, состоявшій изъ тридцати трехъ штыковъ при трехъ пулеметахъ, имѣлъ въ своей средѣ нѣсколькихъ професіональных воровъ, грабившихъ проходившіе товарные поѣзда, и продававшихъ: жмыхи — извозчикамъ, табакъ, бумагу и другія полезныя вещи — любителямъ краденаго на толчкѣ... Генералъ, зналъ объ этихъ продѣлкахъ, слабо противоѣйствовалъ, а по словамъ завѣдывавшаго хозяйствомъ, поручика Меркулова, даже поощрялъ ихъ удалъ... И кого только не было въ этомъ нашумѣвшемъ поѣздѣ?..

Сестра милосердія, просто сестра, машинистка, не видившая пишущей машины, какая то компаніонка, шоферы, лакеи, денщики... Вскорѣ личный конвой былъ усиленъ вагономъ сербовъ, изъ которыхъ нѣкоторые сразу послѣдовали заразительному примѣру вагонныхъ спеціалистовъ основнаго генераль-

скаго конвоя, зорко подкарауливая проходившіе поѣзда... Наконецъ, въ поѣздъ были введены шестнадцать корейцевъ, загнанныхъ туда надеждой на помощь Кореѣ въ случаѣ общаго успѣха русскихъ дѣлъ на Востокѣ. Эти корейцы оставили у меня самыя свѣтлыя воспоминанія своей высокой нравственностью, интеллигентностью и глубокой вѣрой въ правоту своей несчастной родины, закабаленной Японіей. Въ бою 17-го ноября съ Розановымъ я потерялъ иллюстрированное изданіе о звѣрствахъ японцевъ въ Кореѣ, изданное на англійскомъ языкѣ подпольнымъ корейскимъ національнымъ комитетомъ. Изъ этого сплошнаго вопля замученной Кореи видно, какъ далеко зашелъ оккупационный методъ сыновъ восходящаго солнца, когда въ корейскихъ деревняхъ на всю деревню японскія власти разрѣшаютъ одинъ дежурный топоръ, кухонный ножъ, пилу; гдѣ населеніе регистрируется и къ верхнему платью пришивается тавро, безъ котораго кореецъ считается внѣ закона и можетъ быть растрѣлянъ любымъ японцомъ...

Не лучше обстояло и въ русскихъ областяхъ, занятыхъ японскими войсками. Разница была лишь въ томъ, что японцы наводили „порядокъ“ руками атамановъ. Впрочемъ изъ резолюціи земскихъ дѣятелей Ольгинскаго уѣзда Приморской области, врученной въ видѣ протеста союзному командованію во Владивостокѣ, можно было сдѣлать общій выводъ, что японцы довольно часто дѣйствуютъ открыто, не прикрываясь купленными ими атаманами...

Но вотъ и вагонъ № 119, гдѣ засѣло „гнѣздо переворотчиковъ“ — центральное бюро военныхъ организацій. Если не считать меня, ихъ было четыре: Калашниковъ, Кашкадамовъ, Молотковскій и Козловъ. Впрочемъ Калашниковъ вскорѣ уѣхалъ въ Иркутскъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ отдалъ офицеру 3-го бронего поѣзда въ Никольскѣ, прапорщику Сидорову, слѣдующій характерный для того момента приказъ: „Переворота слѣдуетъ ждать со дня на день. Дѣйствуйте быстро и смѣло. Въ случаѣ провала, устраните силой препятствія, пробейтесь во Владивостокъ и явитесь съ бронепоездомъ генералу“ ...

Пылкій и смѣлый Сидоровъ выполнилъ задачу лишь наполовину. Дѣйствуя „быстро“ и „смѣло“, онъ быстро провалилъ тайную организацію бронего поѣзда и, покончивъ выстрѣломъ съ командиромъ поѣзда капитаномъ Голубевымъ, бѣжалъ вмѣстѣ съ тремя единомышленниками въ поѣздъ генерала.

Сказочная неприкосновенность нашего поѣзда, почти открыто подготовлявшаго сверженіе правительства Колчака, придавала излишнюю самоуверенность участникамъ организаціи ...

Завѣдуя отдѣломъ военныхъ организацій, я не могъ не интересоваться дѣятельностью другихъ отдѣловъ, понимая, что общій успѣхъ зависитъ отъ правильной постановки всего аппарата.

Ознакомившись съ постановкой дѣла, я обратилъ вниманіе на отсутствіе общаго руководства, ибо

Молотковскій, замѣстившій уѣхавшаго Калашникова, оказался вялымъ и недостаточно авторитетнымъ, тогда какъ самъ генералъ, въ смыслѣ руководства дѣлами, оглавленной имъ организаціи, представлялъ изъ себя абсолютно пустое мѣсто.

Придавая большое значеніе агитаціонному и інформаціонному отдѣламъ нашей организаціи, я не могъ мириться съ дѣтски примитивной работой этихъ отдѣловъ, гдѣ прапорщикъ Козловъ ограничивался просмотромъ Дальневосточной прессы и съ отмѣткой на поляхъ, торжественно отсылалъ генералу, тогда какъ Кашкадамовъ и Молотковскій увлекались шифрованной перепиской съ сибирскими эсэрами. Между тѣмъ не только во Владивостокѣ, но даже въ самомъ поѣздѣ многіе не знали о цѣляхъ и направленіи нашей организаціи. Я бы понималъ своихъ товарищей по работѣ, еслибъ такая постановка вызывалась соображеніями конспираціи...

Наоборотъ, о нашемъ бюро звонили больше, чѣмъ слѣдуетъ и, не отрицая необходимости упорядоченія дѣла, лишь въ силу своей безпечности и инертности, возлагали надежды на помощь со стороны, отказываясь отъ проявленія собственной инициативы.

Тогда же на началахъ симуляціи „экса“, владелецъ одной изъ типографій предлагалъ увезти бостонку, шрифтъ и проч., вмѣстѣ съ надежнымъ наборщикомъ. И хотя это предложеніе было искреннее, а лицо предлагавшее вполне надежнымъ, это предложеніе все же было отвергнуто... Надѣ-

ясь на типографію земства, водившую насъ за носъ, мы затыгивали выпускъ воззваній, тогда какъ должны были и имѣли полную возможность засыпать фронтъ и тылъ нашей литературой. Два мѣсяца я настаивалъ на организаціи своей типографіи. Наконецъ, мнѣ удалось добиться общаго согласія. На этотъ разъ пришлось не симулировать экспроприацію, а подвергать серьезному риску нашихъ людей... Бостонки уже не было и пришлось увозить чужую тридцати шести пудовую машину... И даже тогда, когда была привезена типографія и нужно было печатать не теряя минуты, я, съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ пререканій, почти заставилъ приступить къ установкѣ машины. Но было уже поздно... Черезъ два дня машина перешла въ руки побѣдителей... Общая сумма выпущенныхъ воззваній на громадную территорію приморской области въ теченіи трехъ мѣсяцевъ едва ли превышала 30.000 экземпляровъ, при чемъ на долю нашей типографіи пришлось не менѣе 18.000—20.000.

Обѣщанная связь съ общественными организаціями оказалась платонической, чисто персонального характера, но не лучше обстояло и съ контрразвѣдкой, гдѣ наши глаза ничего не видѣли, а уши собирали всякій вздоръ.

Я высказывалъ свое полное неудовлетвореніе и протестъ замѣстителю Калашникова, Молотковскому, но послѣдній въ надеждѣ на союзниковъ, не придавая серьезнаго значенія нашей организаціи,

успокаивалъ меня предстоящимъ прїѣздомъ А. А. Краковецкаго... Наконецъ, прїѣхалъ и Аркадій Антоновичъ Краковецкій, который горячо взялся за дѣло и заполнилъ собой пустовавшее мѣсто руководителя, на что у него оказалось немало данныхъ и не хватало только твердости характера. Добрый и мягкій, онъ былъ подверженъ вліянію своихъ однопартійниковъ, не плохихъ, но косныхъ людей. Однако дѣло нашей организаціи съ его прїѣздомъ сильно подвинулось. Съ общаго согласія мы распредѣлили наши функціи по слѣдующимъ отдѣламъ: политическій, въ составъ котораго вошли эсэры: Краковецкій, Молотковскій, Козловъ, Соловьевъ, поручикъ Галкинъ, Масловъ и Кашкадамовъ; военный, со мной, шт. — кап. Θεодоровымъ, прапорщиками: Гервасомъ, Артемьевымъ и вольноопредѣляющімся Іоголевищемъ; финансовый и дипломатическій: съ И. А. Якушевымъ, В. И. Моравскимъ, д-р. Гейманомъ, ген. Гайда и А. А. Краковецкимъ. Личный штабъ съ конвоемъ и многочисленными адъютантами оставался внѣ нашей организаціи.

Работа пошла планомѣрно, но темпъ ея оставался прежнимъ: вялымъ, нерѣшительнымъ, характерно-эсэровскимъ, преобладали разговоры...

Попутно выяснилось, что информация, полученная мной о состояніи и связяхъ организаціи, оказалась безъ конца преувеличенной, а за спиной перваго избраника Сибири А. И. Якушева никого и ничего, кромѣ моральнаго авторитета и

сочувствія сырого матеріала никѣмъ неорганизованнаго, ничѣмъ не связаннаго... Съ финансами было еще хуже. Вмѣсто ссуды на организацію въ нѣсколько милліоновъ, кооператоры, въ октябрѣ, нашли возможнымъ отпустить полторы или двѣ сотни тысячъ.

Въ довершеніе всего, среди общественныхъ дѣятелей по отношенію къ намъ образовался расколъ. Нашлись даже такіе, которые собирались вынести резолюцію, угодную нашему врагу генералу Розанову, но ихъ собраніе было сорвано Краковецкимъ, явившимся во Владивостокскую Областную Думу съ десяткой вооруженныхъ членовъ боевой организаціи моего отдѣла. Я не знаю кто и въ какихъ соображеніяхъ предполагалъ выносить такую резолюцію. Помню, что Краковецкій со злобой называлъ фамилію Гуревича — члена Сибкомуча и инженера Павловскаго, какъ главныхъ инициаторовъ предполагавшагося предательства. Тогда же для сопровожденія Аркадія Антоновича я давалъ ему людей моего отдѣла. Эти исключительно отвѣтственные строки моихъ записокъ я пишу на основаніи свѣдѣній лично полученныхъ отъ А. А. Краковецкаго, а потому нравственную отвѣтственность за ихъ правдивость перекладаваю на Аркадія Антоновича.

Къ этому времени съ фронта пришли вѣсти о провалѣ видныхъ членовъ нашей организаціи и подтвердились мои предположенія, о полной неосновательности надеждъ на генераловъ Капеля

и Пепеляева, тогда какъ комендантъ крѣпости Владивостока, полковникъ Бутенко вызывался Колчакомъ въ Омскъ и, хотя и очень неохотно, однако рѣшилъ подчиниться этому приказу. Напрасно я уговаривалъ его не подчиняться Колчаку и, опираясь на вооруженныя силы крѣпости и нашу поддержку, поднять возстаніе. Бутенко остался непреклоннымъ изъ боязни вмѣшательства японцевъ о настроеніи и намѣреніяхъ которыхъ онъ былъ достаточно освѣдомленъ.

Я пережилъ нѣсколько непріятныхъ минутъ, когда мнѣ, Колчаковскому смертнику, пришлось ѣхать на тайное свиданіе съ колчаковскимъ комендантомъ, прекрасно знавшимъ о моемъ побѣгѣ и моей дальнѣйшей дѣятельности. Мѣры, принятыя мной и преданными мнѣ людьми на всякій случай, оказались излишними. — На прощанье, полковникъ Бутенко познакомилъ меня съ капитаномъ Зинченко, съ которымъ я долженъ былъ встрѣтиться по дѣлу организаціи, но т. к. онъ произвелъ на меня убійственное впечатлѣніе, я уклонился отъ свиданія.

Сложившаяся исключительно неблагопріятно обстановка приводила въ смущеніе инициаторовъ подготовлявшагося возстанія, рассчитывавшихъ на поддержку всѣхъ слоевъ населенія, по ихъ мнѣнію, одинаково оппозиціонныхъ и Колчаку и Совѣтамъ . . .

Ребромъ становился вопросъ, за кѣмъ? ..

Не колебались лишь Молотковскій и я.

Послѣ аннулированія Брестскаго договора, я на-

ходилъ возможнымъ работать съ совѣтской властью, ибо въ концѣ концовъ видѣлъ до чего довели страну всѣ антибольшевистскія начинанія.

Подобное рѣшеніе подкрѣплялось политикой интервентовъ, цѣну которой зналъ каждый не потерявшій совѣсть и разумъ гражданинъ Россіи. Было ясно, что нужно идти съ Совѣтской властью противъ Колчака, а затѣмъ и противъ японцевъ.

Послѣ небольшихъ колебаній Краковецкій рѣшилъ вступить въ переговоры съ представителями лѣвыхъ партій Приморской области, и когда въ составъ нашей организаціи вошли: Р., С. и лѣвый эсэръ А., водевильная обстановка инсценированная генераломъ специально для интервентовъ, приняла грозный, непримиримо-боевой характеръ.

Появилась дѣйствительная связь съ союзами: желѣзнодорожниковъ, моряковъ, грузчиковъ, шоферовъ и съ партизанскими отрядами. Зашевелились военныя ячейки, организованныя мной во всѣхъ частяхъ Приморской области, при помощи весьма энергичныхъ и самоотверженныхъ офицеровъ: Кулагина, двухъ братьевъ Гервасъ, вольноопредѣляющагося Юголевича.

Работа пошла полнымъ темпомъ. Дня уже не хватало; работали ночью. Помѣщенія для прибывающихъ съ большими непріятностями, отвоевывались у самого генерала и его приближенныхъ. Особенно много хлопотъ причинилъ намъ злосчастный портретъ генерала, съ которымъ приближенные генерала носились, какъ съ чудотвор-

ной иконой до тѣхъ поръ, пока кто то изъ вновь прибывшихъ не посовѣтовалъ вынести его за уши.

Съ великой охотой и большимъ самоотверженіемъ люди выполняли весьма рискованныя порученія, т. к. потерявъ вѣру въ нѣкоторыхъ союзниковъ, снабжавшихъ насъ оружіемъ и одеждой черезъ часъ по столовой ложкѣ, мы стали на революціонный путь... Конвой генерала подтянулся и, иногда безъ сна въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ, бдительно окарауливалъ своего патрона. Вскорѣ у насъ появились въ избыткѣ: одежда, патроны, была установлена своя типографія, завелись моторныя лодки... Отъ всѣхъ частей крѣпостного гарнизона прибыли связи, уходившія къ намъ съ постовъ, а въ послѣдствіе, прибывавшія и цѣлыми караулами. Чувствовался общій подъемъ... И только генералъ проявлялъ явные признаки колебаній. Генералъ, нѣсколько разъ завязывая со мною разговоръ на тему о непопулярности И. А. Якушева, предлагалъ ѣхать всѣмъ эшелономъ въ Иркутскъ, гдѣ и поднимать возстаніе...

Генералъ понималъ серьезность положенія и рискъ, который ему приходилось раздѣлять со всей организаціей, а потому поѣздку въ Иркутскъ я истолковалъ, какъ исканіе почетнаго выхода... Да и кто намъ могъ гарантировать проѣздъ мимо самодержца, атамана Семенова, который, растрѣлявъ нашъ эшелонъ, любезно предложилъ бы генералу вернуться къ себѣ на родину...

Я хорошо понималъ генерала... Мечтавшій о верховномъ командованіи, трофеяхъ и лаврахъ, генералъ чувствовалъ, что отъ русской демократіи ему ждаты нечего. Выступая противъ Колчака, генералъ въ сущности оставался тоже диктаторомъ, но только безъ шансовъ на диктатуру...

Бюро военныхъ организацій, сознавая громадную отвѣтственность и имѣя въ виду лишь интересы дѣла, совершенно не считалось съ вопросами личныхъ удобствъ генерала и его челяди, а потому вполне понятно, почему вмѣсто содѣйствія съ ихъ стороны, оно встрѣчало циничное противодѣйствіе...

Я не нахожу никакого оправданія полковнику Гусарека, выдворившаго изъ своего салона въ купѣ для проводниковъ И. А. Якушева и В. И. Моравскаго, скрывшихся у насъ въ поѣздѣ отъ агентовъ Розанова.

Я понимаю, что полковникъ Гусарекъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ, хотя и признавалъ, что на этотъ салонъ предсѣдатель Сибирской Областной Думы имѣлъ неизмѣримо больше правъ, чѣмъ „сорокъ тысячъ женщинъ...“ Но о какомъ правѣ можно было толковать тогда, когда на русскихъ общественныхъ дѣятелей, послѣ омскаго переворота, даже русскія дамы, повѣнчавшіяся на чужеземцахъ, а иногда и случайно сожителствующія съ ними, смотрѣли какъ на людей завоеванной страны...

Тоже самое продѣлалъ со мной капитанъ Махъ, салонъ котораго былъ занятъ моей канцеляріей.

Въ этомъ салонѣ уютно устроились два друга: Махъ и Тимэ, которыхъ усердно навѣщала Беке-това. Вполнѣ понятно ихъ общее негодованіе, когда я занялъ канцеляріей лучшую половину этого салона, на который Махъ смотрѣлъ какъ на свою собственность. Больше всего волновался ротмистръ Тимэ, оказавшійся въ послѣдствіи вполнѣ уличен-нымъ шпіономъ Розанова.

Я помню ту рѣдкую беззастѣнчивость, съ кото-рой Гайда объявлялъ мнѣ выговоръ за то, что я, работая ночами, безпокоилъ его любимца — Маха. Тогда я напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не высказать ему моего далеко не лестнаго о немъ мнѣнія. Въ моихъ глазахъ генералъ, тогда пользовался авто-ритетомъ не больше вышеописаннаго „судьи“ пра-порщика изъ подпрапорщиковъ...

Впрочемъ, тогда я сказалъ ему, что я охотно бы бросилъ дѣло, еслибъ видѣлъ кому передать свою работу, и что послѣ переворота мнѣ съ ге-нераломъ, конечно, будетъ не по пути.

Да и кто бы другой на моемъ мѣстѣ смотрѣлъ на генерала иными глазами...

Припоминаю еще одинъ, пожалуй, исчерпываю-щій случай. Гуляя вдоль состава, генералъ по-звалъ меня къ себѣ и приказалъ организовать порку неугоднаго ему редактора „Голоса приморья“. „Двадцать пять, не больше и не меньше“, смако-валъ генералъ, понимая, что въ моемъ подчиненіи

было достаточно преданныхъ исполнителей, умудренныхъ опытомъ гражданской войны, готовыхъ принести хоть двадцать пять человѣческихъ головъ, еслибъ приказъ исходилъ изъ интересовъ дѣла, а не личной мести...

Высказавъ свой отрицательный взглядъ на порку вообще и боясь, что генералъ осуществитъ свое желаніе руками личного конвоя, я едва убѣдилъ его отказаться отъ такой мысли, пояснивъ, что въ случаѣ обнаруженія виновника порки, навсегда поблекнетъ „демократическая слава“ генерала. Для усиленія своихъ доводовъ я рассказалъ ему случай съ казачьимъ генераломъ Ковалевымъ, выпоровшимъ полкового врача и доведеннымъ до самоубійства русской прессой.

Мирнымъ людямъ, да еще незнакомымъ съ печальной картиной русской дѣйствительности, покажутся невѣроятными мои воспоминанія, въ то самое время какъ я чувствую недостатокъ умѣнія дать болѣе ясную картину кроваваго всесибирскаго кошмара, гдѣ всякіе проходимцы, играя человѣческими жизнями, бережливо обращались даже съ хламомъ, который можно было перевести на валюту.

Случай съ полковникомъ колчаковской службы Февралевымъ, схваченнымъ днемъ на главной улицѣ Владивостока, насильно посаженнымъ въ автомобиль, убитымъ и выброшеннымъ за городомъ, надѣюсь, разсѣетъ сомнѣнія скептиковъ. Февралевъ, открыто критиковавшій Калмыкова, былъ убитъ

калмыковскими офицерами. Вскорѣ ротмистръ Бабичъ, охотившійся за Якушевымъ, для такихъ же цѣлей схватилъ Оржешко, но убѣдившись въ ошибкѣ, отпустилъ его съ миромъ.

На одного изъ безкорыстныхъ редакторовъ харбинской газеты, послѣ его отказа принять 40000 романовскими и прекратить кампанію противъ Семенова, капитаномъ Д. І. Закржевскимъ, было организовано покушеніе. Редакторъ былъ раненъ, а участники покушенія благополучно скрылись. Подробности этого гнуснаго дѣла я узналъ отъ самаго Закржевскаго, сидѣвшаго со мной на курганской гауптвахтѣ... Будучи однимъ изъ друзей атамана Семенова, въ концѣ 18-го года Закржевскій былъ командированъ въ городъ Троицкъ, на большой казачій кругъ, въ качествѣ представителя Семенова. Общая цѣль командировки сводилась къ слѣдующему: Колчакъ долженъ уступить мѣсто Семенову, тогда Семеновъ своими войсками займетъ территорію отъ Иркутска до Челябинска, предоставивъ территорію отъ Байкала— японскому командованію. Закржевскій ѣхалъ въ особомъ вагонѣ подъ защитой японскаго флага; по дорогѣ пользовался услугами японскихъ агентовъ, черезъ которыхъ посылалъ Семенову шифрованные телеграммы по адресу Чита, Селектъ фрозѣ „Особый“. По пути онъ распространялъ нашумѣвшую въ свое время брошюру „Колчакъ и Семеновъ“, подписанную начальникомъ штаба атамана Семенова, полковникомъ Верига. Въ этой

брошюрѣ Колчакъ разбирался какъ человекъ и общественный дѣятель; и, хотя она исходила изъ совершенно неприемлемаго для меня источника, я не могу не воздать должнаго ея автору въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ характеризовалъ Колчака, какъ общественнаго дѣятеля, называя его бездарнымъ авантюристомъ, честолюбцемъ и тряпкой въ рукахъ наштаверха Лебедева.

Закржевскій былъ арестованъ въ Кустанаѣ генераломъ Сукинымъ, сужденъ сначала въ Омскѣ, затѣмъ въ Курганѣ генераломъ Тыотовымъ, т. к. приговоръ главнаго полевого суда, былъ опротестованъ наштаверхомъ Лебедевымъ. Но и во второмъ случаѣ Закржевскій избѣжалъ казни. Этотъ почти единственный случай Колчаковскаго правосудія объяснялся вмѣшательствомъ Семенова, который, въ обезпеченіе жизни Закржевскаго сталъ арестовывать проѣзжавшихъ мимо Забайкаля Колчаковцевъ, обѣщая ихъ разстрѣлять въ случаѣ смерти Закржевскаго. Вскорѣ Закржевскій вмѣстѣ со своимъ помощникомъ Жуковымъ были освобождены, т. к. конфликтъ, подъ давленіемъ японцевъ былъ улаженъ. Мало того, Семеновъ признавши Колчака лишь номинально, былъ произведенъ Колчакомъ въ генералы.

Съ октября мѣсяца развѣдка противника стала проявлять свою усиленную дѣятельность, а потому пришлось обратить серьезное вниманіе на нашу захудалую контръ-развѣдку.

Т. к. наблюденіе за этимъ отдѣленіемъ, по со-

глашенію съ Краковецкимъ, было передано мнѣ, я назначилъ начальникомъ П. И. Іоголевича, которому далъ соотвѣтствующія инструкціи.

Іоголевичъ принялся за обслѣдованіе сначала самаго эшелона генерала Гайды и вскорѣ установилъ соприкосновеніе нѣкоторыхъ офицеровъ и солдатъ изъ личнаго генеральскаго конвоя съ развѣдкой Розанова. Въ числѣ уличенныхъ безспорныхъ шпіоновъ Розанова оказались: штабъ-ротмистръ Тиме, чиновникъ личной канцеляріи генерала Гайды Смирновъ и конвоецъ (фамилію котораго я забылъ) — зять подполковника генеральн. штаба Кононова.

Поѣздъ навѣщала съ ночевкой въ офицерскомъ вагонѣ генеральскаго конвоя филерша атамана Калмыкова — Кабанова. На средства контръ-развѣдки, названные агенты спаивали офицеровъ и солдатъ этого конвоя, выпытывая въ пьяномъ видѣ нужныя имъ свѣдѣнія... Когда однажды нами была обнаружена компанія, кутившая въ ресторанѣ Тифлисъ, вмѣстѣ съ самимъ ротмистромъ Бабичемъ, нач. контръ-развѣдки Розанова, генералъ ограничился домашнимъ арестомъ одного ротмистра Тиме и дѣло объ участіи другихъ офицеровъ своего конвоя: поручика Крылова (монархиста), взводнаго офицера поручика Хребтенко и чиновника Смирнова, оставилъ безъ разслѣдованія. Тогда какъ по докладу Хребтенко, ужинъ имѣлъ опредѣленную окраску и обошелся въ одиннадцать тысячъ рублей, заплаченныхъ Бабичемъ руками Смирнова и Тиме...

Впрочемъ, генералъ, въ вопросахъ личныхъ привязанностей, былъ достаточно послѣдовательнымъ, а потому не находилъ возможнымъ разстаться даже съ такимъ офицеромъ своего конвоя, какъ Тиме, понимая, что въ будущемъ ему слѣдуетъ на кого то опираться... Съ этой же, несомнѣнно, цѣлью онъ поручилъ капитану Маху заняться самостоятельной вербовкой, для усиленія конвоя. Я заявилъ протестъ противъ такихъ сепаратныхъ формированій Маха. Протестъ мой былъ поддержанъ Краковецкимъ. Зато генералъ далъ мнѣ почувствовать, что я нетерпимъ и что ему приходится опасаться за мою жизнь... Не имѣя основаній вѣрить серьезности генеральской заботы о цѣлости моей головы, я продолжалъ взятую линію поведенія по отношенію къ интересамъ дѣла, по обыкновенію, въ вопросахъ личной безопасности надѣясь только на себя.

Вскорѣ намъ удалось найти надежную связь среди служащихъ штаба и развѣдки Розанова, гдѣ оказались наши единомышленники: поручики Боровиковъ и Алексѣевъ, изъ которыхъ Алексѣевъ поступилъ въ развѣдку со спеціальными партійными заданіями...

Черезъ этихъ офицеровъ мы безвозмездно получали: шифры, ключи къ нимъ, списки развѣдчиковъ противника, (которыхъ въ одномъ Владивостокѣ было 210), списки разыскиваемыхъ, однимъ словомъ все, что насъ могло тогда интересовать. Наканунѣ боя Боровиковъ и Алексѣевъ пришли

въ нашъ поѣздъ, гдѣ съ большимъ самоотверженіемъ сражались противъ нашихъ общихъ враговъ, Колчаковцевъ. Такихъ искреннихъ, глубоко преданныхъ идеѣ, неизмѣримо честныхъ людей — мало приходилось мнѣ встрѣчать за мою революціонную дѣятельность. Разрабатывая свѣдѣнія, добытыя указаннымъ порядкомъ, я составилъ себѣ самое полное представленіе о силахъ, настроеніи и намѣреніи нашихъ враговъ... Я уже не боялся силъ Розанова, ибо они таяли на глазахъ у всѣхъ. Солдаты командами и караулами бѣжали на Сучанъ, тогда такъ связь отъ нихъ и ихъ руководители прибывали къ намъ въ поѣздъ. Все мое вниманіе было поглощено наблюденіемъ за японцами, великолѣпно маскировавшими свою дѣятельность и проявлявшими лихорадочную, но скрытую активность.

Японцы зорко присматривались къ русскимъ организаціямъ, открыто тяготѣя къ атаманамъ, тогда какъ наша развѣдка давала интересныя свѣдѣнія о работѣ японскаго командованія. Увеличивая число штыковъ и техническое оборудованіе въ своихъ частяхъ, группируя войска, съ расчетомъ въ любой моментъ занять выгодныя позиціи, японцы, по всѣмъ признакамъ, подготавливались къ большой экспедиціи или къ войнѣ. Пуская глубокіе корни по всей территоріи русскихъ областей, занятыхъ японскими войсками, наводняя ихъ резервами, переодѣтыми въ штатское платье, правительство Японіи всячески маскировало отъ Аме-

рики свои хищныя вождѣнія. Придавая большое значеніе печати, японцы искали продажныхъ репортеровъ, вродѣ Бориса Нелина, черезъ которыхъ проводили соотвѣтствующую инспирацію въ прессѣ...

Учитывая общую политическую и международную ситуацію на Дальнемъ Востокѣ, принимая въ расчетъ отношенія между Японіей и Америкой, я приказалъ посылать выдержки, изъ ежедневной сводки нашей развѣдки, со свѣдѣніями имѣющими непосредственное отношеніе къ интересамъ Америки на территоріи, оспариваемаго обѣими державами, торговаго вліянія. Въ противовѣсъ свѣдѣніямъ объ отрицательномъ отношеніи къ намъ японцевъ, мы имѣли серьезныя доказательства обратнаго со стороны американскаго и чешскаго командованія, при чемъ американскій штабъ открыто заявлялъ о недопустимости вмѣшательства Японіи во внутреннія дѣла Россіи... Въ это время, какъ бы демонстрируя авторитетность такого заявленія, у Филиппинскихъ острововъ появился американскій боевой флотъ... Мы продолжали работу по укрѣпленію нашей организаціи, стараясь довести перевѣсъ нашихъ силъ до очевиднаго и этимъ избѣжать излишняго кровопролитія.

Съ своей стороны, считая еще не все потеряннымъ, не дремалъ и Розановъ. Онъ закрѣплялъ дружбу съ японцами банкетами и подготовлялъ рядъ террористическихъ актовъ по „изъятію“

видныхъ членовъ нашей организаціи. Переходъ къ рѣшенію ликвидировать нашу организацію убійствомъ отдѣльныхъ лицъ, былъ лучшимъ доказательствомъ безсилія власти... Организовавъ развѣдку на идейныхъ началахъ, мы своевременно получали обширный матеріалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Я не буду утруждать читателя перечисленіемъ всѣхъ результатовъ нашей развѣдки, а остановлюсь на болѣе интересныхъ.

Въ октябрѣ въ поѣздъ были введены два юнкера. Оба были рекомендованы своими, абсолютно надежными, людьми: Соколовъ — А. С. Гервасомъ, Потетня — Оржешкой. Оржешко далъ краткую характеристику Потетнѣ, по которой, послѣ проверки, послѣднему можно было вѣрить лишь на половину. Такъ какъ Потетня предлагалъ мнѣ безболѣзненную передачу десяти пулеметовъ изъ инструкторской школы Нокса, я рѣшилъ продолжить съ ними знакомство и лично повелъ его дѣло. Соколовъ былъ представленъ мнѣ какъ организаторъ ячейки въ одной изъ ротъ инструкторской школы, въ которой у насъ еще не было своего человѣка. Допрашивая Соколова въ присутствіи Герваса, я усумнился въ его искренности, но не подавая вида, предложилъ ему продолжать работу и ждать, когда я его вызову; при этомъ я предупредилъ, что въ составъ организаціи я принимаю людей только по рекомендаціи партій, или одного изъ активныхъ членовъ нашей организаціи.

Послѣ ухода Соколова, я попросилъ Герваса заняться выясненіемъ, рекомендованнаго имъ юнкера и къ вечеру получилъ исчерпывающія свѣдѣнія отъ весьма сконфуженнаго Герваса. Юнкеръ Соколовъ оказался смѣлымъ и надежнымъ агентомъ Розанова... Несмотря на мое предупрежденіе не являться безъ вызова, дня черезъ три Соколовъ все же пришелъ вторично и привелъ съ собой двухъ человѣкъ. Въ ожиданіи моего приѣма, всѣ расположились въ одномъ изъ класныхъ вагоновъ нашего поѣзда. Я понималъ, зачѣмъ пришелъ Соколовъ...

Ему нужна была шкатулка съ документами и моя жизнь. Планъ былъ построенъ въ расчетъ на мою наивность и атлетическую силу Соколова при условіяхъ обстановки предыдущаго приѣма. Соколовъ, приглашенный въ салонъ Маха, для объясненія причинъ неожиданнаго посѣщенія, былъ убитъ наповалъ однимъ изъ пяти револьверныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ во время свалки, при попыткѣ его ареста, двумя офицерами поѣзда, хотя вооруженный до зубовъ онъ оказалъ отчаянное сопротивленіе. Офицеръ и юнкеръ, приведенные Соколовымъ, были обезоружены чинами международной милиціи, вызванной немедленно послѣ происшествія съ Соколовымъ.

Другой юнкеръ, Потетня, узнавъ о смерти Соколова и вообразивъ, что Соколовъ палъ жертвой террора, прибѣжалъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ. признался въ томъ, что его командировалъ

поручикъ Сурушкевичъ; съ провокаціонной цѣлью и раскрылъ планъ террористической организаціи, назвавъ фамиліи участниковъ: полковника Рубца, командира 1-го батальона инструкторской школы Нокса и ротмистра Бабича. Рубецъ долженъ былъ поставлять террористовъ изъ юнкеровъ, Бабичъ разрабатывать планъ „изъятія“... Первая партія террористовъ, по показаніямъ Потетни, состояла изъ юнкеровъ Соколова и Курилки, поручика Сурушкевича и капитана Ключарева. Потетня, обязанъ былъ найти ходъ въ поѣздъ и ввести подъ разными предлогами террористовъ. Для того чтобы не было подозрѣній въ давленіи съ нашей стороны, я просилъ Потетню дать письменныя показанія, что и было исполнено имъ въ присутствіи начальника американской военной миссіи полк. Айкельбергера и офицера чехо-войскъ, состоявшаго въ международной комендантурѣ... Прахъ погибшаго храбраго юнкера Соколова, былъ использованъ Розановымъ, какъ матеріалъ для демонстраціи, впрочемъ совершенно неудавшейся. Произведенный послѣ смерти въ офицеры и награжденный георгіевскимъ крестомъ, Соколовъ былъ вскорѣ забытъ, какъ забыты сотни тысячъ жертвъ гражданской войны...

Наконецъ, и генералъ занялся дѣломъ... Онъ организовалъ комиссію по выработкѣ формы одежды русской арміи... Я тоже былъ вовлеченъ въ эту курьезную „работу“. Комиссія разбилась на два лагеря: погонниковъ и безпогонниковъ. Про-

шелъ проэктъ д-ра Григорьева: всѣмъ погоны, всѣмъ звѣзды, разница лишь въ галунѣ... На привѣтствіе, изъ строя отвѣчать, — „привѣтъ“. Зато провалилось мое предложеніе, привѣтствовать солдатъ въ строю: „да здравствуетъ революція“, съ обязательнымъ отвѣтомъ „ура“... Между тѣмъ населеніе нашего поѣзда сильно увеличивалось связью, прибывавшей изъ частей Приморской области, въ то самое время, какъ оперативный планъ возстанія приходилъ къ концу... Въ это время, ввиду отказа кооператива въ обѣщанномъ кредитѣ, генералъ, собралъ совѣщаніе, на которое вмѣсто себя прислалъ пелк. Гусарека. Это совѣщаніе въ составѣ Краковецкаго, капитановъ: Летохи, Кашкадамова и меня, нашло невозможнымъ принять вторичное предложеніе генерала Гайды, возвращаться въ Иркутскъ, и рѣшило продолжать работу. Вечеромъ 13-го ноября, въ разговорѣ со мной и Краковецкимъ, генералъ вскользь обмолвился о своемъ визитѣ къ нашему врагу Розанову, при чемъ генералъ пояснилъ, что ввиду надвигающихся событій, онъ рѣшилъ вернуть слово данное Розанову 21-го сентября... Я вспылывъ, сказалъ, что тоже самое можно было сдѣлать черезъ адъютанта, обязательно съ нашего вѣдома, но не раньше пяти минутъ до возстанія... 14-го ноября генералъ высказалъ мнѣ свое недовѣданіе на поведеніе поруч. Кречета, „жида“ Іогѣлевича, называя насъ большевиками и толпой, съ которыми „онъ не пойдетъ“... (дословно). Я пони-

малъ переживанія генерала, которыя невольно ставилъ въ связь съ его посѣщеніемъ Розанова...

Такой ничѣмъ необъяснимый шагъ генерала, имѣвшій роковыя послѣдствія для всей организаціи, не разгаданъ мной и до настоящаго времени... Тогда я считалъ наше дѣло уже на половину проиграннымъ... Ночью 15-го ноября въ хвостъ состава нашего эшелона сталъ бронепоездъ „Калмыковецъ“, готовый въ любой моментъ открыть по насъ артиллерійскій и пулеметный огонь. Поездъ этотъ экстренно былъ вызванъ съ линіи послѣ страннаго, чтобъ не сказать больше, визита генерала Гайды къ нашему врагу Розанову... Отдавъ приказъ о боевой готовности нашего эшелона, я разбудилъ генерала. Генералъ въ свою очередь послалъ кого-то изъ чиновъ личнаго штаба за международной милиціей, а самъ занялся отправкой и упаковкой остатковъ своего весьма значительнаго багажа, главная часть котораго заблаговременно была перевезена въ надежное мѣсто. Ночь 15-го прошла весьма тревожно, но этого мало... Рухнулъ весь оперативный планъ, не рассчитанный, конечно, на подобную „иниціативность“ нашего высшаго командованія... Въ дальнѣйшемъ пришлось дѣйствовать „безъ руля и безъ вѣтриль“, въ зависимости отъ создавшихся условій, когда инициатива была отдана нашими же руками въ руки нашихъ заклятыхъ враговъ. Вполнѣ естественно, что вмѣсто Розанова, Сыромятникова и др., съ ихъ автомобилями, мы должны были въ послѣдствіи

органичиться лишь ихъ пустыми машинами; перевозить войска съ Русскаго острова въ штормъ небольшими группами, на моторныхъ лодкахъ, когда можно было сдѣлать тоже подъ прикрытіемъ военнаго судна „Якутъ“ и нѣкоторыхъ миноносокъ; или пѣшкомъ вести баталіонъ морскихъ стрѣлковъ со ст., „Океанская“, вмѣсто того, чтобъ привезти его на 2-мъ бронепоездѣ, стоявшемъ съ ними по сосѣдству; подтянуть партизановъ съ 54-ой версты и т. д., и т. д. Генералу, абсолютно не вникавшему въ вопросы даже оперативнаго характера, многое не было извѣстно, тому же, о чемъ мы ему докладывали, онъ вѣрилъ, только „post factum“... Его больше тянуло къ работѣ по специальности санитарнаго офицера, за что всегда попадало коменданту поезда поруч. Крылову, ибо и въ этомъ отношеніи у него въ эшелонѣ не было должнаго порядка... Къ вечеру 16-го мы были окружены со всѣхъ сторонъ юнкерами инструкторской школы Нокса, восемь унтеръ-офицерскихъ ротъ которой, должны были, по нашему плану, разоружить четыре роты офицерской, съ чего и предполагалось начинать возстаніе... Какъ резервъ Розанова, оставалась школа гердемариновъ и два броневыхъ автомобиля, управляемыхъ продавшимися намъ: штабсъ-капитаномъ Чунихинымъ и прап. Андреевымъ. Говорю продавшимися, ибо оба выговорили себѣ, въ случаѣ успѣха, освобожденіе отъ службы и громадное денежное вознагражденіе, подтвержденное лично ген. Гайдой, по приказу котораго

имъ былъ выданъ крупный задатокъ... Я не сомнѣвался въ ихъ переходѣ на нашу сторону въ случаѣ явныхъ шансовъ на успѣхъ, а потому такое условіе считалъ пріемлемымъ, т. к. лишняя кровь всегда дороже денегъ. Небоееспособная школа гардемариновъ, набранная изъ помѣщичьихъ и купеческихъ сынковъ, тоже не представляла серьезной угрозы и должна была быть нейтрализована своимъ либеральнымъ начальникомъ, Кислицынымъ. Однако надежнѣйшая часть этихъ гардемариновъ 16-го ноября была внезапно переведена на русскія военныя судна, въ число которыхъ входилъ и „Якутъ“. Окруженные, мы перебрасывали нашимъ врагамъ прокламаціи, тогда какъ врагъ, за небольшимъ исключеніемъ, искалъ случая, перейти къ намъ, ожидая чего то организованнаго съ нашей стороны; въ то самое время какъ ядро офицеровъ во главѣ съ поруч. Булгаковымъ, назначенное мной въ качествѣ команднаго состава надъ юнкерами, напрасно ждало ихъ возвращенія на „Русскомъ“ островѣ... 17-го утромъ пришелъ баталіонъ морскихъ стрѣлковъ и расположился на отдыхъ, на суднѣ „Тобольскъ“, послѣ 26-ти верстнаго перехода. Пароходъ „Печенгу“ заняли грузчики, изъ которыхъ, на спѣхъ, пришлось формировать самостоятельную часть... Забастовка, объявленная профессиональными союзами, началась, но имѣла мѣстный, чисто Владивостокскій характеръ, кóгда была возможность распространить ее до Байкала. Но и въ этой неудачѣ, какъ и во всѣхъ

остальныхъ, я виню главнымъ образомъ генерала Гайду, съ его проклятымъ визитомъ къ Розанову...

Еще бы два-три дня генеральскаго молчанія, и успѣхъ почти безкровнаго перехода власти въ наши руки можно было считать обеспеченнымъ. Тогда бы японцамъ пришлось считаться съ новой властью, или открыто вмѣшаться въ русскія дѣла... Во всякомъ случаѣ съ Розановымъ, нашъ оперативный штабъ готовился дѣйствовать „по японски“ обстрѣлять, а затѣмъ объявить войну, какъ въ Чемульпо...

Не смотря на численное и техническое превосходство своихъ силъ, Розановъ, неувѣренный въ настроеніи своихъ солдатъ, прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобъ обезпечить успѣхъ хотя бы личной безопасности... Японцевъ такое настроеніе Розанова не удовлетворяло, а потому ими была созвана конференція изъ представителей союзнаго командованія. По постановленію этой конференціи, союзники отказались отъ своего предыдущаго рѣшенія, обезоружить ту изъ сторонъ, которая начнетъ военныя дѣйствія...

Объявляя „полный“ нейтралитетъ, но ограничивая площадь военныхъ дѣйствій, „союзники“, согласно новаго постановленія конференціи, закрывали намъ входъ въ городъ, оставляя насъ на желѣзнодорожномъ тупикѣ, открытомъ для обстрѣла и съ суши, и съ моря войскамъ Розанова, расположеннымъ за предѣлами этой японской мышеловки... О такомъ важномъ рѣшеніи конференціи

я, къ сожалѣнію, узналъ лишь недѣли черезъ двѣ, послѣ боя; генералъ Гайда и Якушевъ, почему то не нашли нужнымъ извѣстить меня въ свое время, хотя тогда я занималъ должность начальника штаба повстанческихъ войскъ...

16-го ноября днемъ къ генералу Гайда зачѣмъ то два раза пріѣзжалъ японскій генералъ, принятый Гайдой безъ постороннихъ свидѣтелей. Я не придалъ бы значенія визиту, обставленному тайной, въ другое не столь отвѣтственное время, особенно, еслибъ тогда было достаточно оснований въ абсолютномъ довѣріи генералу съ нашей стороны. Наконецъ, я пожалуй готовъ былъ объяснить обычной генеральской оплошностью первый пріемъ представителя Японіи безъ Краковецкаго, но чѣмъ и какъ объяснить второй визитъ японскаго генерала, послѣдовавшій черезъ два, три часа, и обставленный такой же таинственностью, какъ и первый?... — На этотъ разъ я уже отбрасываю мысли о случайностяхъ, зная, какъ японцы, и особенно ихъ генералы, цѣнятъ свое время, для того чтобъ терять его на пустые визиты... Вотъ новый вопросъ, на который я, какъ и на предыдущіе жду отвѣта, предупреждая, что возраженія объ аналогичныхъ пріемахъ представителей иностраннаго командованія до 16-го ноября, лично меня не удовлетворяютъ...

Демонстрируя готовность вооруженнаго вмѣшательства, японцы еще съ утра 17-го ноября, заняли главныя улицы города усиленными патрулями

и когда американскій штабъ въ свою очередь послалъ нѣсколько автомобилей со своими командами въ сторону вокзала, командиръ японской роты, подъ угрозой стрѣльбы, вернулъ отрядъ американцевъ въ исходное положеніе. Случай съ американской командой былъ подтвержденъ русскимъ генераломъ Мельниковымъ, котораго я впоследствии встрѣтилъ въ Прагѣ... Около двухъ часовъ дня юнкера унтеръ-офицерской школы стали перебѣгать къ намъ небольшими отрядами. Тогда какъ юнкера офицерской школы, открыли по сдающимъ частый ружейный огонь — въ отвѣтъ на ружейный огонь, заговорилъ нашъ пулеметъ и завязался бой...

Пославъ три отряда подъ командой надежнѣйшихъ офицеровъ: капитана Троецкаго, поручиковъ: Кречета и Громова, я былъ очень огорченъ затяжнымъ характеромъ атаки и, передавъ свои обязанности начальнику оперативнаго отдѣла капитану С., отправился къ мѣсту боя, чтобъ выяснитъ обстановку...

Обойдя наши части со стороны добровольнаго флота и товарныхъ дворовъ, я пошелъ на лѣвый флангъ участка, гдѣ встрѣтился съ подпрапорщикомъ личнаго конвоя Горбуновымъ, который съ пулеметомъ и прикрытіемъ къ таковому, поднялся на шоссе противъ поѣзда, для того чтобъ зайти въ тылъ штаба крѣпости, взять штабъ и повести атаку на вокзалъ со стороны города. — Едва мы завернули за уголъ итальянскихъ казармъ,

какъ съ фланга былъ поднять японскій флагъ, вышелъ командиръ японской роты и потребовалъ, чтобъ мы вернулись обратно. Я не хотѣлъ подчиниться, но когда появилась японская цѣпь и защелкали затворы, я съ Горбуновымъ и людьми повернулъ въ сторону нашего поѣзда. Такой-же отпоръ я встрѣтилъ со стороны лѣваго фасада вокзала, гдѣ подъ виадукомъ со стороны города была расположена полурота японцевъ. — Я вернулся въ поѣздъ, по пути къ которому валялись трупы нашихъ солдатъ и стонало много раненыхъ. Со стороны вокзала трещали пулеметы юнкеровъ. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія съ генераломъ и Краковецкимъ, мной, былъ поданъ сигналъ: „сборъ людей въ колонну“...

Пока собирались люди, Краковецкій составлялъ проектъ обращенія къ союзникамъ, съ протестомъ на вмѣшательство японцевъ. Въ это время поручикъ Громовъ, послѣ нѣсколькихъ удачно брошенныхъ гранатъ внутрь вокзала, занялъ вокзалъ и обстановка немного измѣнилась къ лучшему. У насъ образовалось временное убѣжище отъ пуль. Я предложилъ генералу отдать приказъ, перейти всѣмъ на вокзалъ. Какъ бы въ подтвержденіе такой необходимости, грянулъ первый залпъ изъ орудій флота, направленный на пароходы, гдѣ раньше помѣщались наши резервы. Рѣшено было немедленно перейти на вокзалъ, куда подтянуть нашихъ два состава съ четырьмя паровозами, готовыми въ любой моментъ вывезти насъ за предѣлы го-

рода. — Тогда же желѣзнодорожнику С—му я далъ приказъ приготовить пятый паровозъ для удара по бронепоезду „Калмыковецъ“.

Мы заняли вокзалъ, который вскорѣ сталъ усиленно освѣщаться прожекторомъ съ японскаго броненосца „Миказа“, очевидно нащупывавшаго цѣль для артиллерійскаго обстрѣла.

Генералъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали почти всѣ офицеры личнаго штаба, а съ нашей стороны: Краковецкій, товарищи Р., С. и А., прапорщикъ Козловъ и еще нѣсколько свободныхъ офицеровъ нашей организаціи.

Былъ заслушанъ мой докладъ о ближайшихъ заданіяхъ, подлежащихъ немедленному исполненію.

Я предлагалъ: 1) привести въ порядокъ людей, расположивъ каждую часть по отдѣльнымъ заламъ и коридорамъ вокзала, и хотя люди разныхъ командъ были совершенно перепутаны между собой, однако генералъ отклонилъ это предложеніе, ввиду утомленности людей. Такимъ образомъ сбились въ кучу: конвой, б-ны: морскихъ стрѣлковъ, артиллерійскій и мѣстный, боевая дружина, нѣсколько десятковъ юнкеровъ и рота грузчиковъ, всего около 800 человекъ, 2) поднести патроны на случай, если насъ отрѣжутъ отъ нашего поезда, для того, чтобъ было чѣмъ отражать противника; 3) перевести всѣхъ арестованныхъ, среди которыхъ былъ начальникъ морской развѣдки Смирновъ и юнкеръ Курилка, привезенный числа 12, напоившимъ его Потетней; 4) послать людей

вскрыть нескораемый шкафъ, гдѣ хранились валютныя деньги добровольнаго флота. На шкафъ была приложена моя печать и приставленъ караулъ; 5) послать развѣдку для того чтобъ выяснитъ возможность двумя составами полнымъ ходомъ уйти за городъ, пустивши готовый паровозъ на „Калмыковца“.

Ввиду активного вмѣшательства японцевъ и сильнаго переутомленія нашихъ людей, я отнесся неодобрительно къ предложенію Краковецкаго и товарища А. немедленно атаковать штабъ и батарею на первой Морской. Впрочемъ мы еще не закончили обмѣна мнѣній, когда генераль приказалъ мнѣ сдать должность полковнику Гусареку, подъ предлогомъ моего переутомленія. Не получивъ поддержки со стороны присутствовавшихъ, часть которыхъ видѣла генерала чуть ли не впервые, но зато много слышала о его военныхъ „талантахъ“, я подчинился. Генераль предложилъ всѣмъ, и особенно мнѣ ложиться спать... Не вѣря странной ко мнѣ заботливости генерала, я подыскивалъ объясненія причины моего устраненія и передачи должности абсолютно штатскому человѣку, хотя и полковнику. Тогда какъ вмѣсто Гусарека смѣло можно было поручить: Краковецкому, храброму и спокойному полковнику Воронову, капитану С. и многимъ другимъ... Я далекъ отъ мысли задѣвать кого-либо изъ чешскихъ офицеровъ, штаба генерала Гайды. Большинство изъ нихъ если не помогало, то и не вредило нашей

організації. Я не сомніваюсь, що многіе изъ нихъ сдѣлали бы значительно больше, еслибъ ихъ не смущалъ политическій характеръ нашей работы и еслибъ они не были связаны принадлежностью къ личному штаба генерала, представлявшему самостоятельную замкнутую організацію. Вполнѣ достойными людьми были также и нѣсколько чело-вѣкъ изъ русскихъ офицеровъ личного штаба генерала. Такіе самоотверженные люди, какъ полковникъ Вороновъ, и докторъ Григорьевъ, сложившіе свои головы за освобожденіе русскаго народа отъ атамано-японско-колчаковскаго рабства, никогда не забываются и о нихъ можно вспоминать лишь съ благоговѣніемъ...

Сдавъ должность полковнику Гусареку, я легъ спать и въ тоже время невольно слѣдилъ за каждымъ поворотомъ генерала. Проведя безъ сна послѣдніе трое сутокъ, я заснулъ и проснулся, разбуженный страшнымъ шумомъ, ввиду поднявшейся паники среди нашихъ солдатъ, разбуженныхъ трескотней нашихъ же пулеметовъ, открывшихъ огонь, по начавшимъ наступленіе цѣ-пямъ противника. —

Съ офицерами: Боровиковымъ, Масловымъ, Кречетомъ, двумя братьями Гервасъ, мы успокоили людей, прекратили беспорядочную стрѣльбу, разрѣшивъ таковую лишь по живымъ цѣлямъ...

Вскорѣ генерала, позвали къ телефону, находившемуся внизу вокзала, гдѣ помѣщался чешскій комендантъ станціи. Изъ разговора генерала съ

генераломъ Чечекомъ я понялъ, что Розановъ требуетъ сдачи вокзала, угрожаетъ артиллерійской канонадой и обѣщаетъ свободный выѣздъ за границу ген. Гайдѣ съ его офицерами чешской службы. Генералъ Гайда въ свою очередь просилъ генерала Чечека оказать давленіе на Розанова не открывать артиллерійскаго огня, а предоставить гарантію на свободный выѣздъ за предѣлы Россіи всѣхъ участниковъ. Очевидно вмѣшательство японцевъ создало переломъ настроенія розановцевъ... Генералъ Чечекъ видимо что-то обѣщалъ, такъ какъ вернувшись въ помѣщеніе штаба, генералъ снова предложилъ всѣмъ ложиться спать. Тогда я громко выразилъ увѣренность, что генералъ раздѣлитъ общую участь и уйдетъ съ вокзала послѣднимъ. Черезъ часъ, а можетъ и позже, генерала снова вызвали къ телефону. — На этотъ разъ въ управленіи коменданта станціи чехо-войскъ былъ и И. А. Якушевъ. Разговоръ былъ на ту же тему, при чемъ Гайда отвѣчалъ по чешски „такъ не можно“.

По окончаніи телефоннаго разговора, ген. Гайда сказалъ мнѣ, что ген. Чечекъ обѣщалъ прислать подкрѣпленіе въ двѣ роты чеховъ, если Розановъ начнетъ бомбардировку вокзала. Да и какъ иначе долженъ былъ поступить ген. Чечекъ, снабжавшій нашу организацію оружіемъ. Передавъ солдатамъ содержаніе телефоннаго разговора и предупредивъ ихъ, чтобъ они сохранили спокойствіе въ случаѣ артиллерійскаго обстрѣла, я еще разъ

легъ спать, но былъ разбуженъ снова поднявшейся паникой и грохотомъ разрывававшихся снарядовъ.

Я бросился къ солдатамъ, но попытка возстановить порядокъ оказалась безнадежной. Подхваченный волной обезумѣвшихъ людей, я былъ увлекаемъ потокомъ живыхъ человѣческихъ тѣлъ изъ стороны въ сторону. Ныряя въ волнахъ разбушевавшейся стихіи, давя живыхъ, наступая на трупы, я напрягалъ всѣ силы, чтобы удержаться на ногахъ. Громъ разрывававшихся снарядовъ, стрѣльба другъ въ друга, команда сотенъ голосовъ, свистъ пуль и звонъ разбитаго стекла доводили людей до изступленія. Чувствовалось полное безсиліе подчинить себѣ людей, метавшихся подобно звѣрямъ, забытымъ въ клѣткѣ во время пожара. Но вотъ волна докатила меня до низу, и когда блеснулъ очередной лучъ японскаго прожектора, мой взоръ остановился на группѣ барахтавшихся людей, среди которыхъ былъ генералъ... Я сдѣлалъ отчаянное движеніе и ухватился за фалды генеральскаго пальто, желая удержать генерала отъ безумнаго поступка... Генералъ кричалъ „за мной“ и пробивался къ дверямъ перрона, который находился подъ страшнымъ обстрѣломъ пулеметовъ съ „Калмыковца“, тогда какъ другіе выходы съ вокзала были подъ такимъ же огнемъ цѣпей противника. Я не сомнѣвался, что за дверьми генерала ждетъ неизбежная смерть или позорный плѣнъ. Видно вѣра въ помощь ген. Чечека, еще тепли-

лась и была той пресловутой соломинкой утопающего, которая и удерживала меня на вокзалѣ... Послѣдовавшій новый ударъ человѣческой волны, распахнулъ двери и пробкой выбросилъ насъ на перронъ, гдѣ многіе испустили свой послѣдній вздохъ, тогда какъ остальные залегли вдоль рельсъ. Еще одинъ моментъ и генералъ и счезъ изъ виду; около меня образовалась группа съ поручиками Тарантаевымъ и Хребтенко при нѣсколькихъ солдатахъ. Въ это время, шагахъ въ 50-ти лѣвѣе насъ, зашевелилась цѣпь противника. Мы бросились въ стоявшій паровозъ; тогда цѣпь открыла огонь по паровозу. Не представляя, что насъ ждетъ впереди, я приказалъ машинисту, оказавшемуся внутри паровоза, дать полный ходъ. Отстрѣливаясь, мы проскочили мимо цѣпей противника и вскорѣ очутились за городомъ... Свѣтало... Остановивъ паровозъ и побросавъ винтовки, мы пошли на поиски чеховъ, съ намѣреніемъ организовать поддержку осажденнымъ на вокзалѣ. Пробравшись на городское кладбище и лавируя между могилъ, намъ показалось, что мы обнаружены патрулями съ Эгершельда, а потому мы разбрелись въ разные стороны. Проходя мимо тюрьмы, я обратилъ вниманіе на большой нарядъ японской пѣхоты и нѣсколько труповъ разстрѣлянныхъ людей во флотской формѣ, валявшихся на пустырь.

Наконецъ я добрался до Нагорной улицы, откуда, при помощи чешскихъ легіонеровъ, попалъ въ штабъ. Былъ полдень. Въ подвальномъ этажѣ

штаба, уже находилось нѣсколько членовъ нашей организаціи, число которыхъ увеличивалось вновь прибывающими. У каждаго изъ чудомъ спасенныхъ людей была своя исторія, своя счастливая звѣзда. Такъ напримѣръ: въ автомобиль, стоявшій на виду у противника, вскочило 12 человекъ и, развивъ колоссальную скорость перелетѣли черезъ баррикаду противника изъ цементныхъ бочекъ, раздавивъ гардемарина лежавшаго въ цѣпи. Автомобиль преслѣдуемый ружейнымъ огнемъ почти благополучно добрался до штаба. Съ этой группой спаслись товарищи Р. и С., поручикъ Боровиковъ, два брата Юголевичъ и другіе. Еще ближе къ смерти оказался прап. Алексѣевъ. Пробираясь съ отрядомъ грузчиковъ около товарной конторы добровольнаго флота, Алексѣевъ наткнулся на сильный отрядъ гардемариновъ, и когда грузчики побросали оружіе и подняли руки, гардемарины дали залпъ и бросились добивать лежащихъ... Спустя 17 часовъ, американскіе санитары извлекли изъ груды труповъ почти невредимаго Алексѣева... По словамъ Андрея ГERVаса, раненаго и притворившагося мертвымъ, юнкера, ворвавшись въ зданіе вокзала, разстрѣляли живыхъ, доби́ли раненыхъ, послѣ чего занялись мародерствомъ...

Этотъ же ГERVасъ рассказывалъ, какъ съ поднятыми руками сдавался мой замѣститель полк. Гусарекъ.

Вскорѣ, въ продажѣ появились снимки труповъ съ вывороченными карманами, безъ словъ иллю-

стрировавшіе „высокую доблесть“ юнкеровъ русской офицерской инструкторской школы, англійскаго генерала Нокса...

Чехо-штабъ и особенно солдаты, проявили къ намъ, бѣжавшимъ подъ ихъ защиту, чисто братскую дружбу и участіе, чего нельзя сказать про американцевъ, которые выдали врагамъ двухъ нашихъ товарищей, укрывшихся въ ихъ казармахъ, а Краковецкаго продержали подъ стражей, послѣ чего предложили спастись по его усмотрѣнію. Къ вечеру 18-го ноября, я узналъ объ участи ген. Гайды. Въмѣсто того чтобы пробиваться въ сторону чехо-штаба, генералъ, почему то, направился въ сторону поѣзда ген. Розанова, гдѣ и былъ взятъ въ плѣнъ. Подробности его плѣненія, описанныя имъ въ одной изъ Шанхайскихъ газетъ, по словамъ прапорщ. Сидорова, не отвѣчали дѣйствительности. Такъ кончилась еще одна попытка русскихъ гражданъ, избавиться отъ рабства Колчака, за время царствованія котораго, по офиціальному подсчету, было ликвидировано свыше 60-ти крестьянскихъ и солдатскихъ возстаній. Желая использовать марку ген. Гайды до конца, 19-го ноября, черезъ кап. Блажека, я обратился къ генералу съ письмомъ, въ которомъ убѣждалъ его, съ остатками нашей организаціи уйти въ горы, объединить партизанскіе отряды и продолжить борьбу.

Уходъ генерала въ горы, имѣлъ бы не только моральное значеніе, но и практическій смыслъ.

Благодаря связямъ генерала съ чехо-штабомъ, я надѣялся на полученіе оружія и обмундированія. Генералъ уклонился отъ отвѣта на письмо, обѣщавъ переговорить со мной лично. Вскорѣ онъ оставилъ Владивостокъ, послѣ чего я рѣшилъ послѣдовать его примѣру. Напрасно я предупреждалъ оставшихся въ живыхъ товарищей, отказаться отъ новой попытки захвата власти во Владивостокъ. Я понималъ всю безнадежность такого предпріятія на территоріи, фактически оккупированной японцами. Нельзя было серьезно рассчитывать и на реальную поддержку чешскихъ и американскихъ войскъ. Для меня тогда было ясно, что японцы уйдутъ съ русскихъ областей лишь подъ давленіемъ русской регулярной арміи и что продолжать борьбу можно было лишь на партизанскихъ началахъ. Боясь моего вліянія на товарищей по организаціи, Краковецкій, Якушевъ и Моравскій, пользуясь личными связями среди представителей чехо-словацкой республики, въ Сибири добились моей изоляціи. 10-го января, направляясь на пароходъ „Силезію“, я проѣзжалъ мимо лобнаго мѣста, гдѣ погибли сотни моихъ товарищей, замученныхъ и разстрѣлянныхъ на глазахъ „нейтральныхъ союзниковъ“... Тамъ снова бродили голодные полунагіе грузчики, вооруженные, на этотъ разъ, тюками русскаго добра, поспѣшно вывозимаго на иностранныхъ пароходахъ.

АВТОБІОГРАФІЯ.

До осени 1904 года, жизнь моя ничѣмъ не отличалась отъ заурядной офицерской, внѣшне блестящей, но пустой по содержанію. Послѣ столкновенія съ полк. Лаврентьевымъ, командиромъ пѣхотной части, въ которой я служилъ, я былъ сосланъ въ Ауліатинскую мѣстную команду. Не имѣя возможности уйти въ запасъ, ввиду японской войны, я добровольно поѣхалъ въ дѣйствующую армию, откуда вскорѣ былъ переведенъ въ Харбинъ, а затѣмъ Читу. Сплошная вакханалія героевъ русско-японской войны, въ лицѣ большинства команднаго состава, бои Цусимы и Мукдена подорвали во мнѣ всякое довѣріе къ власти. Вскорѣ я вошелъ въ составъ комитета офицерскаго союза въ Читѣ, а затѣмъ и въ смѣшанный комитетъ по управленію Забайкальской жел. дорогой. Работая въ Читѣ съ извѣстными революціонерами: Костюшкой — Валюжаничемъ, Кларкомъ, Кузнецовымъ, Ткаченко и др., я добылъ первую сотню винтовокъ для Забайкальскаго пролетаріата, экспроприированныхъ мной съ извѣстнымъ революціонеромъ Пироговымъ, изъ бараковъ 2-го читинскаго пѣх. полка.

Послѣ отклоненія моего плана объ истребленіи карательныхъ отрядовъ: Ренненкампа и Меллера-Закомельскаго, я бѣжалъ въ Ташкентъ, съ документами эвакуированнаго, составленными по всѣмъ правиламъ комиссіей врачей, товарищами по военной организаціи, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный Москвѣ врачъ Коварскій. Съ 4-го февраля 1906-го года, я работалъ въ Туркестанѣ, по организаціи военныхъ и, при помощи извѣстныхъ революціонеровъ М. В. Морозова, Аршака-Зурбова, Г. Михина, А. А. Мейера и армянскаго дѣятеля священника Рубена Бекгульянца, я основалъ военный союзъ, охватившій, почти всѣ гарнизоны туркестанскаго военного округа.

Послѣ неудавшагося сапернаго возстанія въ Ташкентѣ 1-го іюня того же года, я бѣжалъ въ Одессу, затѣмъ въ Женеву, откуда вернулся въ Москву, въ надеждѣ на амнистію по случаю созыва 2-й государственной думы. Съ марта 1907 года, я работалъ во всероссійскомъ военномъ союзѣ, соприкасаясь съ извѣстнымъ революціонеромъ Яномъ Михалевичемъ, перебрасываясь изъ Москвы въ Петроградъ, въ Крымъ и обратно. 8 августа 1907 г. я былъ задержанъ въ Москвѣ и въ сопровожденіи гвардіи кап. Анненкова, подъ конвоемъ доставленъ въ Иркутскъ.

13-го октября, по дѣлу Читинскаго союза офицеровъ, я былъ осужденъ на годъ и 2 мѣсяца крѣпости, т. к. судъ отказался отъ болѣе серьезныхъ обвиненій за недостаткомъ доказательствъ.

По выходѣ изъ Иркутской тюрьмы, я поступилъ на каменноугольные копи Черемховскаго района, въ качествѣ десятника и, въ послѣдовавшей борьбѣ за существованіе, перемѣнилъ не мало должностей. И только съ 1912 года, очень осторожно приступилъ къ агитаціи среди офицеровъ Туркестанской конно-горной батареи и 5-го Туркестанскаго стрѣлк. полка. Съ 1910 г., до начала великой войны, я поставлялъ фуражъ въ войсковой части Самаркандскаго гарнизона. Поставка эта дала мнѣ возможность обезпечить мою семью, послѣ чего я снова ушелъ въ революціонную работу. Въ началѣ войны, я добровольно поступилъ въ дѣйствующую армію и былъ принятъ въ 5-ый Туркестанскій стр. полкъ, на должность ротнаго командира. Въ 1916 году, я былъ преданъ извѣстнымъ въ Москвѣ журналистомъ Митропольскимъ, за антиправительственную агитацію.

Жандармы и командиръ 5-го Турк. стр. полка, полк. Голашевскій очень охотно взялись за разслѣдованіе доноса Митропольскаго. Непрерывный рядъ боевъ, въ которыхъ я участвовалъ, моя эвакуація въ Москву по случаю отравленія газами, наконецъ, февральскій переворотъ избавили меня отъ неизбежнаго суда. Съ первыхъ дней переворота, я вошелъ въ составъ Московскаго революціоннаго штаба и вскорѣ былъ избранъ въ комитетъ этого штаба. До начала братанія на фронтъ, дѣятельность моя, неразрывно была связана съ демократическими организаціями Москвы. Съ 15-го

іюня 1917 г., я ставъ во главѣ добровольческаго движенія Московскаго округа, въ качествѣ предсѣдателя комитета. Послѣ провала идеи добровольчества, которую нашъ комитетъ пробовалъ провести черезъ Смольный институтъ, въ день назначенный для обсужденія вопроса по оборонѣ страны, я ушелъ изъ комитета въ штабъ Петроградскаго воен. округа, откуда вскорѣ былъ назначенъ на должность коменданта гор. Петрограда, вмѣсто отстраненнаго за спекуляцію спиртомъ, ген. Калантарова. Впослѣдствіи я участвовалъ въ возстаніи противъ совѣтской власти 29-го октября въ г. Петроградѣ, откуда бѣжалъ на Донъ.

3-го декабря 1917 г. я былъ назначенъ комендантомъ г. Ростова н./Д... Подъ давленіемъ группы монархистовъ, числа 15-го декабря, я былъ отставленъ отъ должности, безъ объясненія причинъ. О дальнѣйшей моей дѣятельности можно судить по брошюрѣ.

За время участія въ германской войнѣ, несмотря на постоянное участіе въ бояхъ, раненіе, двукратную контузію и отравленіе газами, я по причинѣ моей политической неблагонадежности, въ изъятіе изъ общихъ правилъ, не былъ производимъ въ чины.

И только послѣ февральскаго переворота, въ теченіи 24 дней послѣдовательно былъ произведенъ въ поручики, штабсъ-капитаны, капитаны и подполковники на основаніи общаго приказа времен-

наго правительства, о возстановленіи въ правахъ военнослужащихъ, пострадавшихъ за политическія убѣжденія. Приказъ этотъ распространился только на 12 офицеровъ русской арміи (Кузьминъ. Калининъ, Краковецкій и др.)...

Борисъ Солодовниковъ.

МАТЕРІАЛЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Выписка изъ официальнаго документа, подписаннаго членомъ во всероссійское Учредительное собраніе Евгеніемъ Колоссовымъ, адресованнаго начальнику 3-ей чехословацкой стрѣлковой дивизіи 11-го мая 1919 г. полковнику Прхалу въ отвѣтъ на его приказъ.

„Въ мартѣ началось наступленіе правительств. войскъ на сѣверѣ отъ ж. дор. на деревни Малую Козловку и Ольховку, въ 80-ти верстахъ отъ станціи Ачинскъ. Первыя два наступленія оказались неудачными для правительственныхъ войскъ, большевики ихъ отбили. Тогда на разъѣздъ Тарутино привезли артиллерию и изъ 6-ти дюймовыхъ пушекъ начали стрѣлять по деревнямъ.

Когда началась бомбардировка, большевики ушли въ глубь страны. Крестьяне тоже разбѣжались по тайгѣ и хуторамъ, бросивъ на произволъ судьбы все свое имущество. 3-го апрѣля. правительственныя войска заняли Козловку и стояли въ ней 5 дней. Какъ Козловка, такъ и близъ лежащая Ольховка, были ими сожжены. Въ этихъ деревняхъ было: въ одной 135 дворовъ, въ другой

200, въ 2 улицы. Послѣ нѣкотораго времени, крестьяне, особенно тѣ изъ нихъ кто не зналъ за собой никакой вины и принадлежалъ къ мирному и благожелательному населенію, начали возвращаться въ свои деревни. Тогда въ Ольховкѣ казаки собрали сходъ, согнали туда всѣхъ мужчинъ и cadaго десятаго разстрѣливали, остальныхъ выпороли.

Разстрѣлами и поркой усмиреніе однако не ограничилось, кромѣ ихъ происходили большіе грабежи. Крестьяне и безъ того очень пострадали, такъ какъ при пожарѣ, когда были сожжены ихъ деревни, погибло много имущества, погибли также и люди, старики и старухи, не имѣвшіе возможности уйти. Сгорѣло много хлѣба, особенно въ д.д. Лапшихъ и Козловкѣ. Сгорѣлъ и рабочій скотъ. Больше всего при этомъ страдали какъ разъ тѣ, кто меньше всего принималъ участіе въ возстаніи, а часто и вовсе не имѣлъ къ нему никакого касательства. Казаки, которые усмиряли крестьянъ этихъ деревень, были той же, какъ и они Покровской волости; казачьи станицы отъ нихъ расположены въ 18 — 20 верстахъ. Усмиряли крестьянъ казаки такъ: — когда они приходили въ какую либо деревню для экзекуцій, то сзади ихъ отрядовъ ѣхали обозы изъ ихъ же станицы и на эти обозы, жены и отцы пришедшихъ казаковъ нагружали крестьянское добро и увозили къ себѣ домой, благо это не далеко. Забирали они все, отъ сельско-хозяйственныхъ машинъ до

самоваровъ и полотенецъ. Скотъ угоняли. Тѣхъ кто протестовалъ, обвиняли въ сочувствіи большевикамъ и, либо пороли, либо просто убивали. Для того, чтобы избавить себя отъ насилій и грабежей, крестьяне иногда откупались. Такъ, въ Ново-Еловскомъ, они заплатили 30000 рублей, чтобы ихъ не жгли. Сожжено тамъ все таки было 26 домовъ тѣхъ крестьянъ, которыхъ считали большевиками и около 30 изъ нихъ было убито. Въ деревнѣ Тимониной (въ 170 домовъ), крестьяне выслали депутацію къ правит. войскамъ, въ которой находился священникъ (его крестьяне скрывали въ подпольѣ отъ большевиковъ). Тимонину пощадили и не стали жечь, но ограбили свыше чѣмъ на 30000 руб., какъ было установлено по описи, и выпороли каждого десятого. Такимъ образомъ усмиряли крестьянство во всѣхъ деревняхъ сѣверной части Ачинскаго уѣзда. Средствами для усмиренія были контрибуціи, разстрѣлы, убійства, сожженіе деревень, порка.

Порка была по всей мѣстности. Отъ такихъ расправъ пострадали: Большая Усгуйская, Покровская, Ново-Еловская, Ново-Никольская волости. Казаки производившіе расправу, были обычно пьяны; водку привозили изъ Ачинска. Пьяные насилывали женщинъ. Награбленное добро, если не привозили въ свои станицы, то продавали ачинскимъ спекулянтамъ, за что двое изъ нихъ, приказомъ ген. Розанова отъ 12 апрѣля 1919 года, были оштрафованы на 10000 рублей каждый. При-

казъ былъ напечатанъ въ официальномъ Енисейскомъ Вѣстникѣ въ пятницу на Пасхѣ.

Усмиряя и насилуя крестьянъ, казаки ни съ чѣмъ не считались. Офицеры, которые иногда пытались ихъ остановить, не имѣли надъ ними никакой власти. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, собственно, уже ясно, какъ должно было чувствовать себя мирное и благонамѣренное населеніе сѣверной части Ачинскаго уѣзда, при подавленіи большевистскаго движенія и во время власти большевиковъ.

Для того, чтобы охарактеризовать еще болѣе это положеніе, я приведу еще одипъ примѣръ, но не изъ практики правит. отрядовъ въ Ачинскѣ, а въ Канскѣ, на другомъ концѣ губерніи.

27-го декабря 1918 г. въ г. Канскѣ произошло возстаніе неизвѣстно кѣмъ устроенное. По обвиненію въ организаціи этого возстанія, носившаго по всѣмъ видимостямъ провокаторскій характеръ, былъ между прочимъ арестованъ городской голова Степановъ, членъ партіи с.-рев., фракціи центра. Дѣло по обвиненію Степанова въ организаціи канскаго возстанія, разбирала специальная военно-слѣдственная комиссія, которая установила, что городск. голова Степановъ никакого отношенія къ возстанію не имѣетъ. Та же комиссія, кромѣ того, установила, что въ Канскѣ въ дѣлѣ нѣсколькихъ лицъ (напр. Александрова), привлеченныхъ вмѣстѣ со Степановымъ фигурировали подложные документы. Такъ какъ все это было установлено официальной

военно-слѣдственной комиссіей, то Степанова рѣшено было освободить, тѣмъ не менѣе Степанова держали въ тюрьмѣ, больше того: нѣкоторыми офицерами изъ отряда Красильникова, оперирующаго въ Канскомъ уѣздѣ, производились попытки взять Степанова изъ тюрьмы для расправы, или, говоря словами приказа полк. Прхала, для „злѣйскаго покушенія“ на его жизнь. Попытки эти не удавались, но когда былъ назначенъ ген.Розановъ, то къ нему, изъ Канска была прислана просьба о разрѣшеніи повѣсить Степанова. На эту просьбу послѣдовало согласіе и участь Степанова была рѣшена. Вѣшать Степанова, повели на вокзалъ днемъ, черезъ городъ. Идти пришлось мимо квартиры, въ которой жила семья Степанова, его жена и двое дѣтей, они увидѣли его изъ окна, и бросились за нимъ на вокзалъ. Тамъ на глазахъ огромной толпы, въ присутствіи жены и дѣтей, не знавшихъ, что имъ дѣлать отъ ужаса и горя, Степанова повѣсили и трупъ его подтянули высоко на кронштейнѣ, около водокачки. Тамъ онъ висѣлъ 29 часовъ, подъ нимъ проходили поѣзда и въ Канскѣ говорили — „вотъ городской голова гор. Канска“.

Передъ тѣмъ, какъ на Степанова набросили петлю онъ крикнулъ: „да здравствуетъ Учредительное Собраніе“, но людямъ, его убивавшимъ, было безразлично, кто онъ, и каковы его политическія убѣжденія. Со Степановымъ сводили личные счеты, разоблаченные имъ, въ свое время въ Канскѣ, старые охранники царскаго режима, нынѣ вновь получив-

шіе доступъ къ властямъ. И они добились казни надъ нимъ. Рядомъ съ этой безчеловѣчной казнью, можно поставить, только одинъ рядъ фактовъ: тюремныя расправы въ Красноярскѣ надъ заложниками. Эти расправы превосходятъ всѣ ужасы совѣтскихъ тюремъ и возвращаютъ насъ, даже не въ среднія вѣка, а къ временамъ первобытной жестокости, когда люди жили какъ звѣри. Итогъ всѣхъ этихъ фактовъ, которые можно было бы во много разъ увеличить, не можетъ вызвать никакихъ сомнѣній. Можно ихъ формулировать такими словами: — мирное и благонамѣренное населеніе Енисейской губ., страдаетъ въ настоящее время отъ насилій и отъ „злодѣйскихъ покушеній“ на его жизнь, не только со стороны какихъ либо разбойныхъ бандъ, а также, а это особенно важно, со стороны агентовъ правит. власти и руководимыхъ ими карательныхъ отрядовъ, такъ называемаго, особаго назначенія. Этого основного факта чешскій полк. Прхаль въ своемъ приказѣ не учелъ, и если онъ не станетъ и дальше его учитывать, то онъ можетъ еще больше залить нашу страну кровью, можетъ еще больше уничтожить въ ней деревень, чѣмъ она залита кровью до сего времени отрядами особаго назначенія, но онъ не дастъ ей мира и, не давъ ей мира, поставитъ свои войска въ совершенно безвыходное положеніе, но выходъ изъ этого положенія всетаки есть.

Если полк. Прхаль дѣйствительно озабоченъ тѣмъ, чтобы дать мирному населенію обезпеченіе отъ насилій и „злодѣйскихъ покушеній“ надъ

нимъ съ чьей бы то ни было стороны, то онъ долженъ прежде всего, на всей линіи ж.-дороги, ввести полную дисциплину во всѣ находящіяся тамъ войска и во всѣ отряды всякаго назначенія. Онъ долженъ сдѣлать такъ, чтобы со стороны этихъ войскъ не наносилось мирному и благонамѣренному населенію никакихъ насилій и не производилось никакого, а тѣмъ болѣе „злодѣйскаго“, покушенія на его жизнь. И если охрану интересовъ этого населенія онъ поставитъ на такую почву и на этомъ пути дѣйствительно произведетъ обезпеченіе тѣхъ правъ, обезпечить которыя онъ хочетъ, тогда населеніе снова станетъ относиться къ чехамъ такъ, какъ оно относилось къ нимъ полгода тому назадъ и тогда всѣ повстанцы снова будутъ изолированы, и борьба съ ними быстро и легко закончится, тогда всѣ серьезныя общественныя организаціи придутъ на помощь чехамъ и водворятъ въ губерніи тотъ миръ и порядокъ, къ которому все населеніе такъ стремится, но достичь котораго не можетъ вотъ уже столько времени. Это есть единственный способъ умиротворенія страны и пока онъ не будетъ использованъ, самыя благонамѣренныя мѣры полк. Прхала будутъ въ широкихъ слояхъ населенія встрѣчать одно только недоумѣніе и самую жуткую тревогу.

Членъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія
отъ Енисейской губерніи Евг. КОЛОСОВЪ.

Красноярскъ, 2 мая 1919 г.

ПРИКАЗЪ.

Начальникамъ военныхъ отрядовъ, дѣйствующимъ въ районѣ возстанія. Приказываю неуклонно руководствоваться слѣдующимъ:

1. При занятіи селеній, захваченныхъ ранѣе разбойниками, требовать выдачи ихъ главарей и вожаковъ; если этого не произойдетъ, а достовѣрныя свѣдѣнія о наличии таковыхъ имѣются — разстрѣливать десятого.

2. Селенія, населеніе которыхъ встрѣтитъ правительственныя войска съ оружіемъ. сжигать; взрослое мужское населеніе разстрѣливать поголовно; имущество, лошадей, повозки, хлѣбъ и т. д., отбирать въ пользу казны.

Примѣчаніе: все отобранное должно быть проведено приказомъ по отряду.

3. Если, при проходѣ черезъ селенія, жители по собственному почину не извѣстятъ правительственныя войска о пребываніи въ данномъ селеніи противника, а возможность извѣщенія была, на населеніе накладывать денежные контрибуціи за круговой порукой. Контрибуціи взыскивать безпощадно.

Примѣчаніе: всякая контрибуція, должна быть проведена приказомъ, при томъ по отряду.

Суммы въ послѣдствіи сдать въ казну.

4. При занятіи селеній, по разбору дѣла неуклонно накладывать контрибуціи на всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя способствовали разбойникамъ, хотя бы косвенно, связавъ ихъ круговой порукой.

5. Объявить населенію, что за добровольное снабженіе разбойниковъ не только оружіемъ и боевыми припасамн, но и продовольствіемъ, одеждой и проч., селенія, виновныя — будутъ сжигаться, а имущество отбираться въ пользу казны. Населеніе обязано увозить свое имущество или уничтожать его во всѣхъ случаяхъ, когда имъ могутъ воспользоваться разбойники. За уничтоженное такимъ образомъ имущество, населенію будетъ уплачиваться полная стоимость деньгами или возмѣщаться изъ реквизированного имущества разбойниковъ.

6. Среди населенія брать заложниковъ, въ случаѣ дѣйствія односельчанъ направленного противъ правительственныхъ войскъ, заложниковъ разстрѣливать безпощадно.

7. Какъ общее руководство, помнить: на населеніе явно или тайно помогающее разбойникамъ, должно смотрѣть, какъ на враговъ и расправляться безпощадно, а ихъ имуществомъ возмѣщать убытки, причиненные военными дѣйствіями той части населенія, которая стоитъ на сторонѣ правительства.

Генералъ-Лейтенантъ РОЗАНОВЪ.

27 марта 1919 г.

Гор. Красноярскъ.

П Р И К А З Ъ

Командующаго Войсками Приамурскаго Военнаго Округа и Главнаго Начальника Приамурскаго Края.

№ 203.

Кр. Владивостокъ.

17 ноября 1919 г.

Переживаемыя минуты таковы, что всякій вредъ приносимый Правительству, какъ преступной агитаціей, такъ и попытками остановить работу Государственнаго механизма путемъ забастовокъ и демонстрацій—есть измѣна дѣлу Родины.

Предупреждаю: всякія попытки подобнаго рода будутъ съ полной безпощадностью подавляться оружіемъ. Захваченныхъ съ оружіемъ приказываю разстрѣливать на мѣстѣ безъ суда. Зачинщиковъ предавать полевому суду.

Генеральнаго Штаба

Генералъ-Лейтенантъ Розановъ.

ИЗЪ ЭПОХИ КАЛМЫКОВЩИНЫ.

По заявленію бѣжавшаго отъ Калмыкова бывшаго у него начальникомъ штаба есаула Алексѣева, число разстрѣлянныхъ Калмыковымъ превышаетъ 1500 человѣкъ. Разстрѣлы производились безъ всякой системы и регистраціи. Большинство разстрѣляны за то, что имѣли при себѣ деньги, страсть къ которымъ у Калмыкова развита до болѣзни. Алексѣевъ рассказываетъ такой случай, когда одинъ господинъ по фамиліи Брандъ, котораго Калмыковъ приказалъ разстрѣлять только за то, что у него нашли деньги, передъ самымъ разстрѣломъ началъ торговаться и, давъ слово черезъ два часа доставить еще 10.000 руб., спасъ свою жизнь.

Какъ мало цѣнилась человѣческая жизнь въ отрядѣ Калмыкова, показываетъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ августѣ 1918 г. (сообщеніе Алексѣева).

Контролируя пассажирскій поѣздъ, сотникъ Владимиръ Бирюковъ, задержалъ нѣкоего Чайку, ѣхавшаго изъ Читы въ Харбинъ, цинично доложивъ Калмыкову, что у него „очень красивые са-

поги“. Вечеромъ того же дня, Чайка былъ разстрѣлянъ и надъ его трупомъ произошла форменная свалка: сотникъ Бирюковъ, хорунжій Богдановъ, казакъ Свѣтловъ и доброволецъ Сербъ передрались между собою изъ за красивыхъ сапогъ. Обладая большою физической силой сербъ (кажется, по фамиліи Шкаричъ) насыпаль своимъ конкурентамъ и сапоги несчастнаго Чайки стали его собственностью.

Отъ своихъ подчиненныхъ не отставалъ Калмыковъ. Не остылъ еще трупъ разстрѣланнаго на Пограничной Брильона, какъ его кожаный чемоданъ сталъ собственностью атамана. Земля не успѣла еще принять трупа задушеннаго Хедблюда, а его великолѣпное шелков. бѣлье носилось уже атаманомъ. Шикарный портсигаръ разстрѣляннаго Рѣйка и золотые часы замученнаго Кандауровымъ Дельвига до сихъ поръ находятся у Калмыкова. Весь конвой атамана (100 чел.) пользуются вещами, оставшимися послѣ разстрѣла. Это считается въ отрядѣ шикомъ и всячески поощряется.

Никакихъ слѣдовъ послѣ разстрѣла не остается, ибо ни слѣдствій, ни суда у Калмыкова нѣтъ. Если поднимается разговоръ о разстрѣлянномъ, отдается приказаніе „создать дѣло“, тогда находятся и свидѣтели и документы. Дѣло Шестаковыхъ, сфабрикованное знаменитымъ прапорщикомъ Скворцовымъ, какъ типичный образчикъ, изобилующее подложными документати и подписями, было похищено Михайловымъ для оглашенія

въ печати, но къ сожалѣнію, Михайловъ былъ арестованъ и какая его постигла участь — неизвѣстно.

Трупы разстрѣлянныхъ не убирались и нерѣдки были случаи, когда бродячія собаки таскали части человѣческаго тѣла. Въ послѣднее время могилой разстрѣлянныхъ былъ Амуръ. Трупы свозились къ рѣкѣ, иногда рубились на части и спускались подъ ледъ. Въ январѣ 1919 г., на примѣръ, разстрѣляли трехъ казаковъ за попытку бѣжать изъ отряда. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать просторную прорубь во льду, подхорунжій Буловъ топоромъ изрубилъ трупы и по частямъ спустилъ подъ ледъ, за что и получилъ благодарность атамана за „находчивость“.

Благодаря разстрѣламъ, арестамъ и обыскамъ — Калмыковъ составилъ себѣ солидный капиталъ. По расчету Алексѣева у Калмыкова имѣется около 2-хъ милл. рублей, причемъ эта сумма составила отъ ограбленія разстрѣлянныхъ: Брильона и Гетелева — 168.000 руб., Хедблюда — 273.000 руб., Левченко — 25.000 руб., Брандта — 32.000 руб., Шведскаго Краснаго Креста — 1 милл. 600.000 руб., Кандаурова — 12,000 руб., Карпенко — 146.000 руб.

Деньги эти составляютъ собственность Калмыкова и часть ихъ переведена въ Японію.

Кромѣ того, какъ свидѣтельствуютъ Сусловъ и Эповъ, сотникомъ Григорьевымъ и подхорунжимъ Свѣтловымъ были зарублены шашками два казака братья Третьяковы.

На ст. Пограничной по распоряженію Калмыкова, были разстрѣляны безъ суда и слѣдствія иностранные подданные Брильонъ и Гителевъ съ цѣлью скрѣтія ограбленія у нихъ чинами отряда болѣе 1,000,000 рублей (показаніе Эпова).

Въ ноябрѣ 1918 года, по распоряженію атамана Калмыкова, была вынуждена подъ угрозами отъ гражданки гор. Никольскъ-Уссурійскаго П. М. Бассъ нотаріальная довѣренность на имя атамана Калмыкова на полученіе имъ въ свою пользу ея П. М. Бассъ почтоваго перевода на сумму 30.000 руб. (показан. Эпова и подлинная довѣренность въ дѣлѣ).

Принимая во вниманіе, что въ вышеизложенномъ заключаются признаки преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ: 141 142 и 145 ст. ст. Улож. Наказ. и подсудныхъ Приамурскому Военно. Окружному Суду, а потому, руководствуясь 2 ст. постановл. совѣта министровъ отъ 24 января 1919 г. военный слѣдователь постановилъ: сообщить о вышеизложенныхъ дѣяніяхъ чиновъ особаго Уссурійскаго отряда атамана Калмыкова въ порядкѣ 348 ст. Уст. воен. Судебн. Военному Прокурору Приамурскаго Военно-Окружного Суда.

Подлинное подписалъ военный слѣдователь полковникъ ДАЛЕЦКІЙ.

Съ подлиннымъ вѣрно:

Помощникъ Военнаго Прокурора полковникъ.
